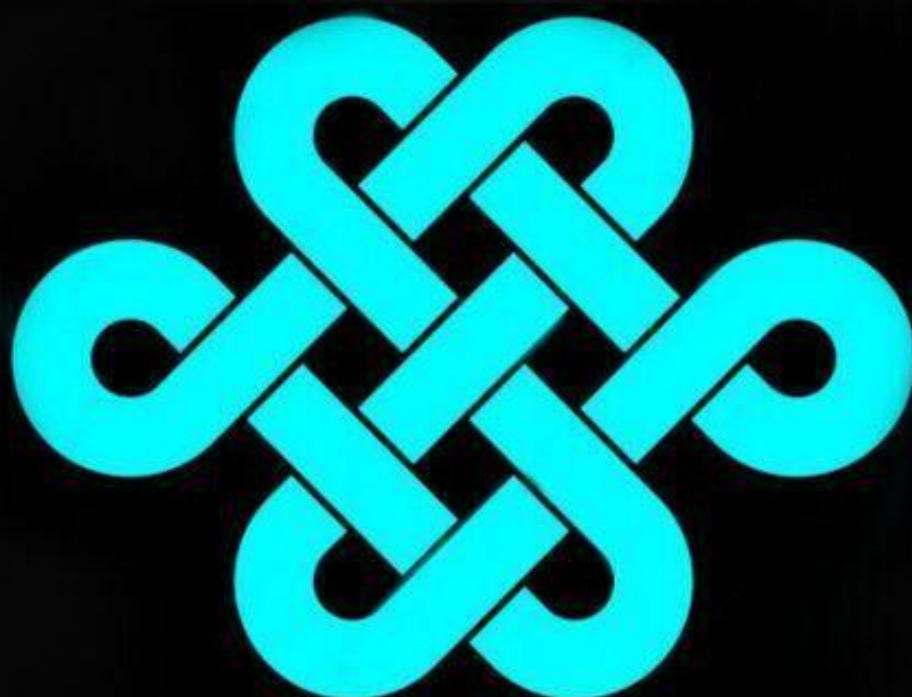

12+

Ирина Александровна Нудная

Соприкосновение с вечностью

Дерматоглифическая гипотеза
преемственности индивидуальности

Ирина Нудная

**Соприкосновение с вечностью.
Дерматоглифическая
гипотеза преемственности
индивидуальности**

«Издательские решения»

Нудная И. А.

Соприкосновение с вечностью. Дерматоглифическая гипотеза
преемственности индивидуальности / И. А. Нудная —
«Издательские решения»,

Что, если ваши отпечатки пальцев — не просто рисунок на коже,
а след, оставленный тем, кем вы были до своего рождения? Что, если
индивидуальность не исчезает со смертью, а воплощается вновь,
и этот переход можно зафиксировать и измерить? Автор предлагает
дерматоглифическую гипотезу преемственности индивидуальности и строгий
научный план ее проверки. Никакой эзотерики. Сможет ли наука признать, что
сознание может существовать за пределами одного тела? Готовы ли вы узнать
правду? Выбор за вами!

Содержание

Отпечаток, который нельзя стереть	6
Феномен реинкарнации: история, культура, эмпирические данные	16
Определение и терминологические рамки	16
Этимология и базовые определения	16
Критерии научности при изучении пограничных феноменов	20
Реинкарнация как культурно-историческая универсалия	24
Распространенность идеи в мировых культурах	24
Древнеиндийская традиция (сансара и карма)	28
Античная традиция (метемпсихоз в Греции и Риме)	31
Иудео-христианская и исламская традиции	34
Когнитивно-антропологическое объяснение устойчивости идеи	37
Эмпирические исследования феномена спонтанных воспоминаний	40
Исследовательская программа Яна Стивенсона	41
Типичные характеристики случаев	44
Документированный пример случая (Индия)	47
Документированный пример случая (США)	50
Феномен интермиссии (память о промежутке между жизнями)	52
Родимые пятна и врожденные дефекты как физические маркеры	55
Независимые репликационные исследования	59
Исследования Сачванта Пасричи и Эрлендура Харальдссона	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Соприкосновение с вечностью Дерматоглифическая гипотеза преемственности индивидуальности

Ирина Александровна Нудная

Научный консультант Александр Евгеньевич Капитонов

Редактор Ольга Сергеевна Соловьева

Дизайнер обложки Наталья Максимовна Белова

© Ирина Александровна Нудная, 2026

© Наталья Максимовна Белова, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0070-5532-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Отпечаток, который нельзя стереть

В академической среде слово «реинкарнация» до сих пор вызывает либо неловкую улыбку, либо демонстративное отворачивание. Это понятие прочно закреплено за религиозными традициями и нью-эйджевской литературой, что автоматически лишает его статуса легитимной научной проблемы. Однако такой эпистемиологический апартеид — ошибка, дорого обходящаяся развитию наук о сознании. Отказываясь рассматривать эмпирические данные только из-за их неудобства, наука повторяет ошибки прошлого, когда метеориты «не могли падать с неба». Игнорирование феномена не является его опровержением, а избегание темы из страха репутационных потерь — форма академической трусости.

За последние шестьдесят лет накоплен огромный массив данных, который нельзя просто отбросить. Ян Стивенсон, заведующий кафедрой психиатрии Университета Вирджинии в США, посвятил сорок лет документированию детских воспоминаний о предыдущей жизни. В его архиве DOPS насчитывается более 2500 случаев из разных стран мира. Методология была жесткой: фиксировались только спонтанные воспоминания, все утверждения документировались до верификации. Эта процедура позволяла исключить нормальные пути передачи информации, включая случайные совпадения или утечку данных.

Возраст детей, сообщавших о воспоминаниях, имеет устойчивую статистику: начало в 2—3 года, прекращение в 6—7 лет. Медианный интервал между смертью предыдущей личности и рождением ребенка составляет 15 месяцев. В 73 процентах случаев смерть предыдущей личности была неестественной — насильственной или внезапной. Около 35 процентов детей демонстрировали фобии, точно соответствующие способу смерти умершего. Эти фобии проявлялись с первого года жизни и исчезали вместе с вербальными воспоминаниями.

Особое место занимают физические маркеры — родимые пятна и врожденные дефекты. В выборке из 210 случаев насильственной смерти у 49 детей (23 процента) такие пятна соответствовали ранам умершего. В одном из случаев мальчик имел родимое пятно на виске там же, где у погибшего брата было огнестрельное ранение. В других случаях ножевое ранение давало продолговатое пятно в том же межреберье, а ампутация пальца проявлялась его врожденным отсутствием. Стивенсон назвал это гипотезой «информационного следа», но честно признал, что механизм передачи остается неизвестным.

Независимые исследователи подтвердили эти данные. Сачвант Пасрича и Эрлендур Харальдссон в 1994 году проанализировали 123 случая из пяти культур и получили те же результаты. Антония Миллс изучила случаи среди америндейских народов Канады и тибетских беженцев в Индии. Юрген Кейл работал в Турции, Таиланде и Мьянме. Все они пришли к одному выводу: феномен существует и требует объяснения независимо от культурного контекста.

Карл Саган, основатель Совета по скептическому расследованию, в книге «Мир, полный демонов» признал, что эти случаи заслуживают серьезного изучения. Журнал JAMA назвал работу Стивенсона «кропотливо и бесстрастно собранной серией случаев, которую трудно объяснить на любых других основаниях». Тем не менее, научное сообщество в массе своей предпочло игнорировать эти исследования. Главная причина — отсутствие независимого биологического маркера, который позволил бы проверить гипотезу объективно. Второе возражение — неизвестный физический механизм передачи информации.

Гипотеза культурного ожидания не выдерживает критики. Случаи зафиксированы и в западных культурах, где реинкарнация не является официальной доктриной. Родители часто сопротивлялись воспоминаниям детей, а не поощряли их — как в случае Кумкум Верма, чей отец запрещал контакты с семьей умершей из-за кастовых предрассудков. Точность верифицированных деталей достигает 85—90 процентов, что превышает ожидаемый уровень при случайном совпадении. Гипотеза криптомнезии не объясняет физические маркеры — родимые пятна не могут возникнуть из случайно услышанного рассказа.

Ключевая нерешенная проблема — отсутствие независимого биологического маркера преемственности. Такой маркер позволил бы проверять гипотезу без опоры на вербальные сообщения ребенка, которые всегда можно оспорить. С его помощью можно было бы сравнивать детей с воспоминаниями и контрольную группу объективно. Более того, маркер дал бы возможность формулировать предсказания для новых случаев. Именно такой маркер мы и предлагаем найти в дерматоглифических узорах.

Если родимые пятна коррелируют с обстоятельствами смерти предыдущей личности, почему другие кожные структуры не могут нести аналогичный след? Папиллярные узоры формируются на 13—19 неделе беременности, остаются неизменными всю жизнь и уникальны для каждого человека. Они несут огромный объем информации — до 12 минициевых точек для криминалистической идентификации. Наша гипотеза: отпечаток большого пальца стопы живого человека идентичен отпечатку большого пальца доминантной руки умершего. Это операционализируемое, фальсифицируемое и проверяемое утверждение.

Почему именно большой палец стопы? Эмбриологически он является аналогом большого пальца руки, развиваясь из одной дерматомной зоны. К тому же дерматоглифика стоп изучена гораздо хуже, чем кистей, что исключает возможность неосознанного подгоняния результатов под ожидания. Выбор доминантной руки (правая у мужчин, левая у женщин) связан с функциональной асимметрией мозга, которая может отражаться на дерматоглифике. Критерий идентичности — не менее 12 совпадающих минициевых точек, криминалистический стандарт опознания личности. Нулевая гипотеза гласит, что частота совпадений не превышает базового уровня случайности.

Наше исследование предлагает не веру, а проверку. Мы не утверждаем, что реинкарнация существует — мы говорим, что существует эмпирический феномен, требующий объяснения. Мы не используем религиозные термины вроде «душа» или «карма» — только «преемственность индивидуальности» и «информационный след». Мы строим исследование на принципах фальсифицируемости Карла Поппера, воспроизводимости, слепого анализа и контрольных групп. Если гипотеза подтвердится — мы получим первый биологический маркер преемственности сознания. Если опровергнется — мы создадим крупнейшую базу дерматоглифических данных и закроем вопрос научно.

Технологический прорыв последних двух десятилетий сделал возможным то, о чем Ян Стивенсон не мог мечтать. Автоматизированные системы AFIS сравнивают миллионы отпечатков за секунды с недоступной ранее точностью. Машинное обучение выявляет статистические паттерны на выборках в десятки тысяч участников. Большие данные позволяют накапливать биометрические репозитории, обеспечивающие мощность для проверки слабых эффектов. Без этих инструментов дерматоглифическая гипотеза оставалась бы умозрительной конструкцией.

Кризис материалистической модели сознания стал очевиден для всё большего числа исследователей. «Трудная проблема» — невозможность объяснить субъективный опыт из нейронных процессов — не решена до сих пор. Давид Чалмерс сформулировал её в 1995 году, и с тех пор ответа не найдено. Мы описываем нейронные корреляты боли, но не понимаем, почему боль ощущается как боль. Гипотеза о преемственности индивидуальности радикальна, но не более радикальна, чем признание нашего фундаментального непонимания.

Карл Саган, основатель Совета по скептическому расследованию, публично признал случаи Стивенсона достойными изучения. Журнал JAMA назвал его работу «кропотливо и бесстрастно собранной серией случаев». Это была рецензия в одном из самых консервативных медицинских журналов мира. Отдел перцептивных исследований Виргинского университета продолжает работу под руководством Джима Такера. Даже яростные скептики сегодня вынуждены обсуждать феномен аргументированно.

Практический запрос общества нельзя игнорировать без потери доверия к науке. Около двадцати процентов американцев считают реинкарнацию правдоподобной. В странах Азии и Африки этот показатель достигает сорока-семидесяти процентов. Миллионы людей хотят знать, есть ли что-то после смерти. Наука молчит, и это молчание воспринимается как высокомерие.

Наука обязана дать ответ, даже если этим ответом будет честное «мы не знаем». Но лучший ответ — проверяемая гипотеза и открытый протокол её проверки. Пятьдесят лет назад у исследователей не было цифровых баз отпечатков умерших людей. Не было AFIS для автоматического сравнения дерматоглифических узоров. Не было методов машинного обучения для анализа многомерных данных.

Не было также теоретического оправдания для вторжения в эту область науки. Кризис материализма только начинал обсуждаться в узких философских кругах. Сегодня этот кризис признают ведущие нейробиологи и философы сознания. Томас Нагель, Кристоф Кох, Бернардо Каступ — все они говорят о необходимости новых онтологических допущений. Догматический материализм перестал быть обязательной позицией для ученого.

Изменилось и отношение к пограничным исследованиям в целом. Тема смерти и того, что после нее, перестала быть академическим табу. Книжки об околосмертном опыте публикуются в престижных научных издательствах. Исследования медитации и измененных состояний сознания получают гранты от крупных фондов. Междисциплинарные проекты на стыке нейробиологии и феноменологии больше не вызывают усмешки. Окно возможностей для проверки дерматоглифической гипотезы открылось именно сейчас.

Стивенсон потратил сорок лет на сбор 2500 случаев, но не смог предложить биологический маркер для их проверки. У него не было технологии, которая позволила бы сравнивать отпечатки умерших и живых людей. У него не было статистических методов для отделения сигнала от шума на больших выборках. У него не было машинного обучения для поиска неочевидных корреляций. Сегодня всё это есть у нас.

Мы не обещаем ответа на вопрос о жизни после смерти. Мы обещаем процедуру получения ответа — воспроизводимую, фальсифицируемую, открытую для критики. Технологии созрели, теоретическая потребность назрела, общественный запрос сформулирован. Оста-

лось провести исследование и опубликовать результаты. Именно этому посвящены следующие главы нашей книги.

Феномен детских воспоминаний о предыдущей жизни не доказан наукой, но он и не опровергнут. Это важно понимать с самого начала, чтобы избежать двух крайностей: легкого принятия и высокомерного отрицания. Мы не утверждаем, что реинкарнация существует — мы утверждаем, что существует эмпирический феномен, требующий объяснения. Игнорировать его нельзя, а объяснить в рамках существующих теорий пока не получается. Именно это делает феномен научно интересным, а не маргинальным.

Первая группа фактов — вербальные сообщения детей. Сотни детей по всему миру спонтанно называют имена, места и обстоятельства жизни умерших людей. Эти утверждения документируются до верификации, после чего исследователи находят подтверждающие документы и свидетелей. Точность верифицированных деталей в сильных случаях достигает 85—90 процентов. Ребенок не мог получить эту информацию нормальными путями — это исключается методологией Яна Стивенсона. Вербальный массив сам по себе требует объяснения.

Вторая группа фактов — поведенческие особенности детей. Около 35 процентов детей с воспоминаниями демонстрируют фобии, точно соответствующие способу смерти предыдущей личности. Ребенок, помнящий смерть от утопления, панически боится воды с первого года жизни. Ребенок, чья предыдущая личность погибла от ножевого ранения, ужасается острых предметов. Эти фобии не являются результатом воспитания или травмы в текущей жизни. Они исчезают в том же возрасте 6—7 лет, что и вербальные воспоминания.

Третья группа фактов — физические маркеры на теле ребенка. В выборке из 210 случаев насильственной смерти у 49 детей (23 процента) родимые пятна или врожденные дефекты соответствовали ранам умершего. Огнестрельное ранение в висок давало круглое пятно на том же месте у ребенка. Ампутация пальца у умершего проявлялась врожденным отсутствием или деформацией того же пальца. Эти корреляции зафиксированы независимыми исследователями в разных культурах. Физический маркер невозможно объяснить криптомнезией или культурным внушением.

Ни одна из существующих гипотез не объясняет все три группы фактов одновременно. Гипотеза культурного ожидания работает только в обществах, где верят в реинкарнацию, но случаи есть и на Западе. Гипотеза криптомнезии могла бы объяснить вербальные сообщения, но не объясняет фобии и родимые пятна. Гипотеза мошенничества требует согласованного обмана со стороны детей, родителей и исследователей — это абсурдно. Каждая гипотеза объясняет что-то одно, но не всё сразу. Феномен остается необъясненным в своей полноте.

Особенно важно, что случаи зафиксированы в культурах, где реинкарнация не является официальной доктриной. Индейцы Канады, исследованные Антонией Миллс, не имеют развитого учения о перевоплощении. Тибетские беженцы в Индии, напротив, живут в буддийской традиции, но структура феномена та же. Дети из США и Европы, чьи случаи документировал Ян Стивенсон, росли в семьях без веры в реинкарнацию. Родители часто сопротивлялись их воспоминаниям, а не поощряли их.

Россия до сих пор оставалась вне поля систематических исследований этого феномена, и это целесообразно исправлять. Здесь нет культурной традиции реинкарнации, которая могла бы внушить детям ложные воспоминания или стимулировать родителей к их поощрению. Рос-

сийские архивы МВД содержат огромные базы отпечатков пальцев умерших людей, доступ к которым при юридическом согласовании может быть получен. Здесь уже есть развитая инфраструктура дерматоглифических сканеров в медицинских центрах и правоохранительных органах. Именно в России, на стыке богатых данных и отсутствия культурного давления, можно провести чистое исследование дерматоглифической гипотезы с минимальным риском артефактов, связанных с ожиданиями.

Ян Стивенсон предложил гипотезу «информационного следа» для объяснения физических маркеров. Согласно этой гипотезе, интенсивные впечатления умирающего человека оставляют некий информационный отпечаток. Этот отпечаток затем манифестируется на коже нового тела в виде родимых пятен или дефектов. Стивенсон честно признавал, что физический механизм такой передачи ему неизвестен. Но эмпирическая корреляция зафиксирована, и это главное для нашего проекта.

Если родимые пятна могут сохранять след информации о насильственной смерти, то дерматоглифические узоры могут сохранять след информации о личности умершего. Папиллярные узоры формируются в том же эмбриональном периоде, что и родимые пятна — на 13—19 неделе беременности. Они несут гораздо больше информации, чем пигментное пятно: до 12 минициевых точек для идентификации. Они остаются неизменными всю жизнь, как и родимые пятна. Логично предположить, что если один кожный маркер работает, то может работать и другой.

Вероятность того, что феномен реален, ненулевая. Это достаточное основание для систематической проверки. Нам не нужно верить в реинкарнацию — нам нужно проверить гипотезу, которая может быть подтверждена или опровергнута. Даже если гипотеза не подтвердится, мы получим ответ и закроем вопрос. А если подтвердится — мы получим первый биологический маркер преемственности индивидуальности. В любом случае, мы будем знать больше, чем знаем сейчас.

Именно эта логика лежит в основе нашего проекта. Мы не эзотерики и не миссионеры. Мы исследователи, которые видят эмпирическую аномалию и предлагают способ ее проверить. Три группы фактов — вербальная, поведенческая и физическая — образуют массив, который не объяснен существующими теориями. Дерматоглифическая гипотеза предлагает независимый биологический маркер для проверки преемственности. Результат проверки покажет, куда двигаться дальше.

Ян Стивенсон обнаружил эмпирическую корреляцию, которую нельзя игнорировать. В 23 процентах случаев насильственной смерти родимые пятна и врожденные дефекты детей соответствовали ранам умершего человека. Эта корреляция была зафиксирована не в одном случае, а в выборке из 210 документированных эпизодов. Независимые исследователи — Сачвант Пасрича, Эрлендур Харальдссон, Антония Миллс, Юрген Кейл — подтвердили этот феномен в разных культурах. Механизм передачи информации остается неизвестным, но сам факт корреляции сомнению не подвергается.

Если одни кожные структуры способны сохранять информационный след предыдущей жизни, почему другие не могут? Родимые пятна — это относительно простые пигментные образования с низкой информационной емкостью. Папиллярные узоры пальцев — сложные, высокоиндивидуальные структуры, формирующиеся в том же эмбриональном периоде. Они содержат огромный объем информации: тип узора, гребневой счет, количество дельт, мини-

циевые точки. Логично предположить, что если след может сохраняться на коже, то более сложные структуры должны сохранять его с большей точностью. Дерматоглифическая гипотеза является прямым логическим продолжением открытия Стивенсона.

Наша основная гипотеза формулируется предельно конкретно и операционально. Отпечаток кожи на большом пальце стопы живого человека идентичен отпечатку на большом пальце доминантной руки человека, личность которого ребенок помнит из предыдущей жизни. Критерий идентичности — не менее 12 совпадающих минициевых точек, криминалистический стандарт, используемый в судебной практике для опознания личности. Это жесткий, консервативный критерий, исключающий случайные совпадения. Нулевая гипотеза утверждает, что частота таких совпадений не превышает базового уровня случайности в контрольной группе.

Почему выбран именно большой палец стопы? Эмбриологически он является прямым аналогом большого пальца руки, развиваясь из одной дерматомной зоны на 13—19 неделе беременности. Большой палец стопы, как и большой палец руки, несет наиболее выраженный и индивидуальный дерматоглифический узор среди всех пальцев стопы. В отличие от кистей, дерматоглифика стоп практически не изучена, что исключает риск неосознанного подгоняния результатов под ожидания. Это нейтральный маркер, свободный от культурных ассоциаций и криминалистических стереотипов. Именно его «незапятнанность» делает его идеальным для проверки гипотетической преемственности.

Выбор доминантной руки имеет свое обоснование в нейробиологии. Функциональная асимметрия мозга отражается на многих морфологических признаках, включая дерматоглифику. У большинства людей доминантная рука имеет более сложный папиллярный узор, чем недоминантная. Мы предполагаем, что если индивидуальность сохраняется, то наиболее ярко выраженный маркер доминантной руки имеет больше шансов «отпечататься» на стопе нового тела. В нашей гипотезе для мужчин это правый большой палец руки и правый большой палец стопы. Для женщин — левый большой палец руки и левый большой палец стопы.

Криминалистический стандарт в 12 минициевых точек является чрезвычайно строгим. Для сравнения: в судебной практике совпадение по 8—10 точкам уже считается достаточным основанием для идентификации личности в большинстве юрисдикций. Мы намеренно ужесточаем критерий, чтобы исключить ложноположительные срабатывания. Вероятность случайного совпадения 12 минициевых точек у двух разных людей оценивается как ничтожно малая — порядка миллиардных долей процента. Если такие совпадения будут обнаружены систематически, это будет надежным доказательством преемственности. Если нет — нулевая гипотеза не отвергается.

Почему мы не сравниваем отпечатки одноименных пальцев рук? Потому что рука умершего человека и рука новорожденного никак эмбриологически не связаны. Папиллярные узоры на руках — это маркеры текущей телесной оболочки, а не предполагаемой преемственности. Стопа же, особенно ее первый палец, является эмбриологическим гомологом кисти, но в то же время достаточно удалена от нее функционально и топографически. Сравнение стопы текущего тела с рукой предыдущего тела позволяет проверить именно гипотезу переноса, а не генетического наследования. Это принципиальный момент дизайна исследования.

Дерматоглифическая гипотеза имеет еще одно важное преимущество перед исследованием родимых пятен. Родимые пятна — дискретные бинарные маркеры: есть или нет, сов-

падает или не совпадает по локализации. Папиллярные узоры — непрерывные многомерные признаки, допускающие количественное сравнение и статистический анализ. Это позволяет использовать всю мощь машинного обучения и многомерной статистики. Мы можем не просто сказать «совпало/не совпало», но и измерить степень сходства, построить распределения, выявить пороговые эффекты. Точность проверки становится на порядок выше.

Мы формулируем три варианта гипотезы для эмпирической проверки. Гипотеза 1 (основная): отпечаток большого пальца стопы живого человека идентичен отпечатку большого пальца доминантной руки умершего. Гипотеза 2 (вспомогательная): субъективный опыт может переноситься между живыми людьми без прекращения существования обоих — проверяется на глубоко эмпатичных парах. Гипотеза 3 (расширенная): сознание способно воплощаться в прошлых носителях (ретроспективная реинкарнация) — проверяется через сравнение с археологическими отпечатками. Все три гипотезы фальсифицируемы и проверяемы.

Наше исследование не требует веры в реинкарнацию. Оно требует только согласия с простой логикой: если существует эмпирический феномен, для которого нет объяснения, нужно предложить способ его проверить. Дерматоглифическая гипотеза — такой способ. Мы не утверждаем, что отпечатки совпадут. Мы говорим: давайте проверим. Если совпадут — у нас будет первый материальный маркер преемственности индивидуальности. Если нет — мы закроем вопрос и будем искать другие объяснения триадического массива фактов.

Мы не строим новую теорию сознания и не защищаем никакое религиозное учение. Наша задача скромнее и одновременно строже: мы проверяем конкретную эмпирическую гипотезу. Гипотеза может быть подтверждена или опровергнута результатами исследования. В этом принципиальное отличие нашего подхода от эзотерических рассуждений о реинкарнации. Мы не говорим «верьте» — мы говорим «давайте проверим».

Главный методологический принцип — фальсифицируемость, как ее сформулировал Карл Поппер. Научное утверждение только тогда имеет право на существование, когда оно может быть опровергнуто эмпирическими данными. Наша гипотеза фальсифицируема: достаточно одного систематического исследования, показавшего, что частота совпадений отпечатков не превышает случайного уровня. Мы готовы признать гипотезу ложной, если данные будут против нее. Это не слабость, а достоинство научной позиции.

Второй принцип — воспроизводимость результатов независимыми исследователями. Мы публикуем полный протокол исследования: методику сбора данных, критерии включения, алгоритмы сравнения, статистические процедуры. Любая лаборатория в любой стране сможет повторить наше исследование на своей выборке. Если результаты не воспроизводятся — гипотеза не подтверждается. Это защита от случайных или сфальсифицированных результатов.

Третий принцип — слепой анализ (blind analysis). Оператор, который сравнивает отпечаток стопы живого человека с отпечатком руки из архива, не знает, чьи это отпечатки. Образцы маркируются случайными кодами, не раскрывающими, относится ли отпечаток стопы к экспериментальной группе (дети с воспоминаниями) или к контрольной. Только после завершения всего анализа коды расшифровываются. Это исключает неосознанное предубеждение — неосознанную подгонку результатов под ожидания.

Четвертый принцип — контрольная группа для оценки базового уровня случайных совпадений. Мы набираем группу демографически сопоставимых людей, у которых нет воспоминаний.

наний о предыдущей жизни. Их отпечатки стоп сравниваются с отпечатками рук случайных умерших из архива. Частота совпадений в контрольной группе показывает, сколько совпадений можно ожидать просто по случайности или из-за распределения типов узоров в популяции. Только если в экспериментальной группе частота совпадений статистически значимо выше — гипотеза получает поддержку.

Мы полностью отказываемся от эзотерического языка. В нашем исследовании нет «душ», «кармы», «переселений», «тонких тел» или «астральных планов». Эти термины ненаучны, потому что не операционализируемы и не фальсифицируемы. Мы используем только нейтральные термины: «преемственность индивидуальности», «информационный след», «биологический маркер». Это позволяет сохранить исследование в рамках естественнонаучной парадигмы, даже если предмет исследования кажется пограничным.

Термин «информационный след» требует пояснения. Мы не утверждаем, что знаем физическую природу этого следа. Мы не говорим, что это «энергия», «поле» или «квантовая информация». Мы просто фиксируем эмпирическую корреляцию: определенные структуры на теле ребенка систематически соответствуют определенным характеристикам умершего человека. Механизм этой корреляции — открытый вопрос для будущих исследований. Но сам факт корреляции может быть установлен без знания механизма.

Термин «преемственность индивидуальности» также выбран не случайно. Он не предполагает, что вся личность переходит целиком — со всеми воспоминаниями, чертами характера, предпочтениями. Речь идет только о сохранении некоторых биомаркерных характеристик, которые могут быть зафиксированы в дерматоглифических узорах. Это минималистская, консервативная гипотеза, которая требует минимальных онтологических допущений. Именно такая гипотеза и должна проверяться в первую очередь.

Наш методологический подход строже, чем во многих психологических исследованиях. В психологии часто используются удобные выборки, субъективные шкалы и не всегда воспроизводимые процедуры. Мы требуем предварительной регистрации протокола, независимого этического надзора, открытого доступа к данным (после анонимизации). Наши критерии статистической значимости ужесточены поправкой на множественные сравнения. Мы готовы к тому, что результат может быть нулевым, и публикуем его в любом случае.

Это исследование — не одиночная попытка, а приглашение к международному сотрудничеству. Мы не претендуем на монополию на истину и приветствуем любые попытки воспроизвести наши результаты или предложить альтернативные методологии. Если другие лаборатории найдут ошибки в нашем дизайне — мы их исправим. Если они получают противоположные результаты — мы их учтем. Наука — коллективное предприятие, особенно в такой сложной и пограничной области.

Итак, мы имеем: конкретную гипотезу, строгие критерии ее проверки, открытый протокол, контрольные группы, слепой анализ и отказ от эзотерического языка.

Это не эзотерика, обернутая в научную упаковку. Это настоящая наука, применяемая к феномену, который долгое время оставался за пределами научного рассмотрения. Результат покажет, была ли наша гипотеза верной. Но методология, независимо от результата, останется вкладом в изучение пограничных феноменов сознания.

Представим сначала сценарий, в котором наша гипотеза подтвердится.

Это будет первый в истории науки биологический маркер преемственности индивидуальности между разными телами. Мы получим эмпирическое основание для утверждения, что индивидуальность не исчезает полностью со смертью тела, а оставляет измеримый след в следующих поколениях. Такой результат изменит не только науку о сознании, но и многие смежные дисциплины — от психологии до антропологии. Важно подчеркнуть: мы говорим о маркере, а не о полной теории. Но даже маркер — это уже прорыв.

Второе следствие подтверждения — возникновение нового направления в криминалистике. Можно назвать его судебной дерматоглификой «через смерти» или ретроспективной идентификацией личности. Если отпечаток пальца стопы живого человека идентичен отпечатку пальца руки умершего, то по стопе можно идентифицировать личность умершего. Это открывает возможности для расследования преступлений, где погибший не идентифицирован иными способами. Разумеется, это требует валидации и юридического признания новой методики. Но потенциал очевиден.

Третье следствие — неизбежный пересмотр философских и нейробиологических моделей сознания. Материалистическая парадигма, сводящая сознание к нейронным процессам текущего тела, получит эмпирический контрпример. Потребуется объяснять, как информация о дерматоглифическом узоре умершего передается и воплощается в папиллярных узорах нового тела. Это может привести к развитию новых направлений в биологии: информационной биологии, эпигенетической наследственности, теории морфических полей (в строгой, операциональной версии). Даже если эти объяснения будут спорными, сам факт существования феномена станет вызовом.

Четвертое следствие — практическое патентование алгоритмов и методик. Алгоритмы AFIS-сравнения, адаптированные для межтелесной идентификации, могут иметь коммерческую ценность. Методики сбора и анонимизации дерматоглифических данных, разработанные в проекте, могут быть стандартизированы и лицензированы. Программное обеспечение для слепого сравнения отпечатков стоп и кистей также может быть защищено патентами. Это не самоцель, но способ обеспечить финансовую устойчивость проекта и его дальнейшее развитие. Патентование не должно препятствовать открытому доступу к методологии для академических исследований.

Теперь рассмотрим противоположный сценарий: гипотеза не подтверждается, частота совпадений не превышает случайного уровня. Что мы теряем?

По сути, ничего, кроме красивой гипотезы. Но фальсификация ложной гипотезы — это тоже полноценный научный результат. Мы закроем направление, которое могло бы отвлекать ресурсы исследователей на десятилетия. Мы покажем, что дерматоглифические узоры не являются маркером преемственности индивидуальности, в отличие от родимых пятен. Это сузит круг поиска и направит внимание на другие возможные маркеры.

Даже при неподтверждении гипотезы мы создадим крупнейшую в мире нормативную базу дерматоглифики стоп. Объем выборки — не менее 10 000 участников с полными сканами всех десяти пальцев стоп. Таких данных сегодня не существует ни в одной стране мира. Криминалисты получают возможность использовать отпечатки стоп для идентификации личности — сегодня этот метод практически не разработан. Медицинские генетики получают норматив-

ные данные для выявления аномалий, связанных с хромосомными синдромами. База данных останется ценным ресурсом независимо от исхода проверки гипотезы.

Накопленные данные позволят также уточнить распределение типов дерматоглифических узоров в российской популяции. Мы получим репрезентативные выборки по разным этническим группам: русские, народы Кавказа, татары, буряты. Это вклад в антропологию и популяционную генетику. Мы сможем выявить корреляции между дерматоглификой стоп и такими параметрами, как пол, возраст, регион проживания. Эти данные могут быть полезны для разработки региональных криминалистических баз. Даже нулевой результат по основной гипотезе оставляет богатое эмпирическое наследие.

В любом исходе — подтверждении или опровержении гипотезы — мы создаем тиражируемую методологию изучения пограничных феноменов. Любой другой исследовательский коллектив сможет использовать наш протокол для проверки собственных гипотез о преемственности индивидуальности. Методология включает стандартизированные процедуры сбора данных, критерии включения в экспериментальную и контрольную группы, протоколы слепого анализа, статистические методы с поправкой на множественные сравнения. Это своего рода «золотой стандарт» для исследований в деликатной области. Мы публикуем его в открытом доступе.

Второй обязательный результат — стандарт этической работы с уязвимой темой. Мы разрабатываем и апробируем процедуры информированного согласия для детей и их родителей. Мы создаем протоколы психологической поддержки для участников, у которых воспоминания могут вызывать тревогу или экзистенциальный дискомфорт. Мы определяем правила анонимизации данных, защищающих участников от стигматизации. Этот этический стандарт может быть использован в любых исследованиях, затрагивающих темы смерти, памяти, идентичности. Даже критики нашего проекта, возможно, признают ценность этих этических наработок.

Осталось провести исследование. План изложен, методология описана, протокол открыт. Дальше — дело за финансированием, доступом к данным и временем. Результат покажет, была ли наша гипотеза рабочей или мы ошиблись. В любом случае, через несколько лет мы будем знать больше, чем знаем сейчас.

Эта книга — не эзотерический трактат и не сенсационное расследование. Это протокол эксперимента, рабочая гипотеза и приглашение к независимой проверке. Если вы ученый — вы найдете здесь операционализируемые переменные, статистические критерии и открытый для критики дизайн. Если вы скептик — вы найдете здесь основания для аргументированного несогласия, а не для насмешки. Если вы просто человек, которому не все равно, что происходит с индивидуальностью после смерти тела, — вы найдете здесь попытку спросить честно, может ли она оставлять след, который можно прочитать на коже следующего.

Феномен реинкарнации: история, культура, эмпирические данные

Определение и терминологические рамки

Любое исследование пограничного феномена начинается не с экспериментов, а с определений. Если мы не договоримся о том, что именно изучаем, мы рискуем говорить о разных вещах, используя одни и те же слова. Особенно это касается реинкарнации — понятия, обросшего слоями религиозных, философских и эзотерических смыслов. Наша первая задача — очистить это понятие от метафизического груза и сделать его пригодным для научной работы. Только после этого можно переходить к проверке конкретных гипотез.

В первой части главы мы предлагаем рабочее определение реинкарнации для целей нашего исследования. Мы отказываемся от таких терминов, как «душа», «карма» и «переселение», потому что они неоперационализируемы. Вместо этого мы говорим о «преемственности личностно-психологических и биомаркерных характеристик индивида при смене телесной оболочки». Это определение может показаться слишком сухим и далеким от традиционных представлений о реинкарнации. Но именно его сухость и делает его научным.

Во второй части главы мы устанавливаем критерии, по которым будем оценивать научность нашего подхода. Главный из них — принцип фальсифицируемости Карла Поппера: наша гипотеза должна быть сформулирована так, чтобы ее можно было опровергнуть эмпирически. К этому добавляются требования воспроизводимости, верифицируемости, интересубъективности и этической обоснованности. Эти критерии не являются нашими изобретениями — они выработаны философией науки за последние сто лет. Мы просто применяем их к области, в которой они редко применялись.

Читатель, привыкший к эзотерической литературе о реинкарнации, может быть разочарован нашим подходом. Мы не будем говорить о духовном развитии, кармических задачах или воспоминаниях прошлых жизней в терапевтических целях. Мы будем говорить об отпечатках пальцев, статистических распределениях, контрольных группах и критериях согласия. Это скучно? Возможно. Но именно так выглядит наука, когда она берется за сложный вопрос.

Читатель-скептик, напротив, может быть приятно удивлен. Мы не просим его поверить во что-то сверхъестественное. Мы просим его проверить нашу гипотезу вместе с нами или критиковать ее по существу. Если нам удастся убедить скептика в том, что наше исследование соответствует строгим научным критериям, половина работы уже сделана. Оставшаяся половина — это просто сбор и анализ данных. Данные либо подтвердят гипотезу, либо опровергнут. И то и другое будет результатом.

Этимология и базовые определения

Слово «реинкарнация» происходит от латинского *re* — «снова, опять» и *incarnatio* — «воплощение, облечение в плоть». Буквально это означает «повторное вхождение в тело» или «повторное обретение плоти». В европейской традиции этот термин закрепился относительно поздно, в эпоху Возрождения, при переводе античных и восточных текстов. До этого использо-

вались другие понятия, восходящие к греческой философии. Однако именно латинская калька стала доминирующей в западной научной и околонучной литературе.

Греческий термин «метемпсихоз» образован от слов *meta* — «пере, через» и *empsychosis* — «одушевление, вдыхание души». Буквально он означает «переодушевление» или «переселение души». Этот термин использовался Платоном и пифагорейцами для обозначения перехода души из одного тела в другое после смерти. В античной философии метемпсихоз был не религиозным догматом, а философской гипотезой, подкрепленной аргументами. Сегодня этот термин чаще встречается в историко-философских исследованиях, чем в эмпирических работах.

Санскритское слово «сансара» происходит от корня *samsrī* — «блуждать, странствовать, проходить через круговорот». В индийской традиции сансара обозначает бесконечный цикл рождений, смертей и перерождений, в котором находится все живое. Это не просто перевоплощение отдельной личности, а фундаментальное свойство мироздания. Круговорот сансары считается источником страданий, а конечной целью признается выход из него — освобождение, называемое мокша или нирвана. В отличие от греческого метемпсихоза, сансара неразрывно связана с законом кармы.

Все три термина — реинкарнация, метемпсихоз, сансара — имеют религиозное или философское происхождение. Они несут в себе метафизические допущения: существование души, закон причинно-следственного воздаяния, цикличность бытия как онтологическую данность. Эти допущения не могут быть эмпирически проверены или опровергнуты в рамках современного естествознания. Поэтому для нашего исследования они не подходят. Нам нужно рабочее определение, свободное от метафизического груза.

Мы предлагаем следующее рабочее определение для настоящего исследования.

Реинкарнация понимается здесь как гипотетический феномен преемственности личностно-психологических и биомаркерных характеристик индивида при смене телесной оболочки.

Ключевые элементы этого определения — «преемственность», «характеристики» и «смена телесной оболочки». Ни одно из этих слов не требует веры в душу или карму. Это чисто операциональная конструкция.

Личностно-психологические характеристики включают в себя такие эмпирически фиксируемые параметры, как содержание вербальных воспоминаний, поведенческие особенности (включая фобии), предпочтения и склонности. В исследованиях Яна Стивенсона именно эти параметры были основным объектом документирования и верификации. Они доступны для независимой проверки через опрос свидетелей и анализ документов. Никакой «души» как гипотетической субстанции нам не нужно постулировать. Достаточно признать, что определенный набор характеристик систематически наблюдается у нового тела после смерти предыдущего.

Биомаркерные характеристики в нашем определении — это параметры, которые могут быть измерены объективными методами, независимо от вербальных сообщений или поведения.

Родимые пятна и врожденные дефекты, описанные Стивенсоном, являются простейшим примером таких биомаркеров. Папиллярные узоры пальцев стоп — более сложный и информативный пример, который мы исследуем в данной работе. Эти маркеры формируются внутриутробно, остаются неизменными всю жизнь и могут быть измерены без какого-либо контакта с испытуемым. Они не зависят от культуры, воспитания или психологического состояния.

Термин *«преемственность»* мы используем вместо более сильного «переселение» или «трансмиграция». Преемственность не означает полного переноса всей личности как неделимого целого. Она означает лишь, что некоторые характеристики предыдущего индивида обнаруживаются у последующего с частотой, превышающей случайную. Где, как и почему происходит эта преемственность — открытые вопросы, не входящие в наше определение. Мы фиксируем только сам факт возможной связи. Это минималистская, осторожная формулировка.

«Смена телесной оболочки» — еще один нейтральный термин, заменяющий религиозные «переселение души» или «смерть и новое рождение». Телесная оболочка — это просто физическое тело человека с его анатомическими, физиологическими и биометрическими характеристиками. Смена такой оболочки означает, что индивид, обладавший определенными характеристиками, перестает существовать в одном теле, а затем обнаруживается в другом. Опять же, без метафизических допущений о носителе этих характеристик.

Наше определение принципиально не использует слово «душа». Этот термин имеет слишком много значений в разных религиозных и философских традициях, что делает его операционализация невозможной. Кроме того, слово «душа» вызывает у многих ученых инстинктивное отторжение, закрывая путь к серьезному обсуждению эмпирических данных. Мы не утверждаем, что души не существует. Мы просто не нуждаемся в этом понятии для формулировки нашей гипотезы и дизайна исследования.

Слово «карма» также отсутствует в нашем определении. Карма — это этический закон причинно-следственной связи между поступками и их последствиями, простирающимися за пределы одной жизни. Даже если такой закон существует, наше исследование не имеет инструментов для его проверки. Мы не измеряем добродетельность предыдущей личности и не соотносим ее с обстоятельствами нового рождения. Нас интересует только возможная преемственность узоров на коже. Карма остается за скобками.

Слово «переселение» не используется по той же причине. Переселение предполагает перемещение чего-то целого (души) из одного места в другое. Наша гипотеза этого не предполагает. Речь идет, скорее, о воспроизведении или резонансе определенных структур в новом теле, а не о перемещении субстанции. Термин «информационный след», который предложил Ян Стивенсон, точнее передает этот смысл. Мы оставляем более содержательные термины для будущих теорий, если они появятся.

Операционализируемость нашего определения означает, что каждый его компонент может быть переведен в процедуру измерения. «Преемственность» проверяется через сравнение характеристик предыдущей личности (из архива Стивенсона или аналогичных) и текущего ребенка. «Личностно-психологические характеристики» фиксируются через стандартизированные интервью и опросники. «Биомаркерные характеристики» измеряются с помощью дерматоглифических сканеров и AFIS-сравнения. Нет ни одного термина, который нельзя было бы превратить в переменную.

Эмпирическая проверяемость нашего определения — его главное достоинство. Мы не призываем верить в реинкарнацию на основании авторитета священных текстов или личного опыта. Мы предлагаем конкретную процедуру, которая либо подтвердит, либо опровергнет наличие преемственности в отношении дерматоглифических узоров. Результат этой процедуры не зависит от того, кто ее проводит и в какой культуре. Это и есть научный подход.

В отличие от религиозных определений, наше не требует принятия никаких догматов. Вы можете быть атеистом, агностиком, буддистом или христианином — ваше отношение к определению от этого не изменится. Оно не утверждает, что есть жизнь после смерти. Оно лишь говорит: «Если определенные эмпирические закономерности будут обнаружены, мы будем вынуждены их объяснить». Это минимальное допущение, с которым может согласиться любой рационально мыслящий человек.

В отличие от популярных определений, наше не содержит сенсационных обещаний. Мы не говорим, что помним свои прошлые жизни, и не обещаем, что вы их вспомните. Мы не обещаем бессмертия души и не угрожаем кармическим воздаянием. Мы говорим только о том, что можно измерить: отпечатках пальцев стоп, родимых пятнах, вербальных отчетах детей. Если это звучит скучно — тем лучше. Наука и должна быть скучной до того момента, пока не получит результаты.

Наше определение также нейтрально по отношению к частоте и всеобщности феномена. Мы не утверждаем, что реинкарнация (в нашем понимании) происходит в каждом случае смерти и рождения. Скорее всего, если она вообще существует, она касается лишь небольшого процента случаев — как в выборке Стивенсона, где дети с воспоминаниями всегда были исключением, а не правилом. Наше определение допускает, что преемственность может быть редким, аномальным явлением. Это не снижает его научной ценности.

Определение не требует также ответа на вопрос о механизме передачи. Как информация о родимом пятне или папиллярном узоре предыдущей личности попадает на тело нового человека? Мы не знаем. Наше определение не требует этого знания. Оно лишь фиксирует возможную корреляцию. Объяснение механизма — следующий шаг, который станет возможен только в том случае, если корреляция будет надежно установлена. Ставить телегу впереди лошади — плохая научная стратегия.

Важно подчеркнуть, что наше определение не является истинным или ложным. Оно является рабочим инструментом. Оно может быть неудачным, если какие-то важные аспекты феномена останутся за его рамками. Оно может быть заменено на лучшее в процессе исследования. Но на данном этапе оно выполняет свою функцию: позволяет перевести разговор о реинкарнации из плоскости веры в плоскость проверяемых утверждений. Этого достаточно для начала.

Для сравнения приведем типичное эзотерическое определение реинкарнации: «переселение души в новое тело в соответствии с законом кармы для духовной эволюции». В этом определении каждый термин требует веры: в душу, в карму, в духовную эволюцию как цель. Ни один из этих терминов не может быть измерен или проверен. Такое определение может быть полезным для религиозной практики, но бесполезным для науки. Мы сознательно отказываемся от него.

Некоторые критики могут сказать, что наше определение слишком узкое и выбрасывает из реинкарнации самое важное — душу. На это мы отвечаем: возможно. Но наука начинается не с самого важного, а с самого измеримого. Исторически физика не начиналась с вопроса о смысле бытия — она начиналась с измерения падения тел. Психология не начиналась с вопроса о природе любви — она начиналась с измерения времени реакции. Мы следуем этому пути.

Другие критики могут сказать, что наше определение слишком широкое и включает в себя феномены, которые никто не называет реинкарнацией. Например, если преемственность биомаркеров будет обнаружена, но без личностно-психологических характеристик — это ли реинкарнация? На это мы отвечаем: неважно, как это называть. Важно, что это интересный феномен, требующий объяснения. Терминологические споры не должны мешать эмпирической работе.

Таким образом, мы зафиксировали терминологические рамки нашего исследования. Под реинкарнацией мы понимаем гипотетическую преемственность измеряемых характеристик индивида при смене телесной оболочки. Ни души, ни кармы, ни переселения. Только эмпирически проверяемые корреляции. Это определение не устроит ни эзотерика, ни ортодоксального материалиста. Но оно устроит нас, потому что позволяет работать. А работа — единственное, что в конечном счете имеет значение.

Критерии научности при изучении пограничных феноменов

Любое научное исследование, особенно в пограничной области, должно опираться на четкие критерии научности. Без них легко скатиться либо в догматическое отрицание феномена, либо в столь же догматическое принятие на веру. Наша задача — найти третью позицию: строгую проверку без предварительных осуждений. Для этого мы используем критерии, выработанные философией науки за последние сто лет. Главный среди них — принцип фальсифицируемости.

Принцип фальсифицируемости был сформулирован философом Карлом Поппером в середине XX века. Согласно Попперу, научное утверждение отличается от ненаучного не тем, что оно истинно, а тем, что оно может быть опровергнуто эмпирическими данными. Утверждение «все лебеди белые» научно, потому что достаточно найти одного черного лебедя, чтобы его опровергнуть. Утверждение «душа бессмертна» ненаучно, потому что никакое наблюдение не может его опровергнуть. Фальсифицируемость — это критерий демаркации, отделяющий науку от метафизики.

Наша дерматоглифическая гипотеза полностью удовлетворяет критерию фальсифицируемости. Мы утверждаем: отпечаток большого пальца стопы живого человека идентичен отпечатку большого пальца доминантной руки умершего в 12 минициевых точках. Это утверждение может быть опровергнуто. Достаточно провести исследование на репрезентативной выборке и показать, что частота совпадений не превышает случайного уровня. Мы готовы признать гипотезу ложной, если данные будут против нее.

Фальсифицируемость требует от нас предельной честности в формулировке нулевой гипотезы. Нулевая гипотеза — это утверждение, что никакой связи между отпечатками стопы живого и руки умершего не существует, а наблюдаемые совпадения объясняются случайностью. Наша задача — попытаться отвергнуть нулевую гипотезу с достаточным уровнем стати-

стической значимости. Если это не удастся, нулевая гипотеза остается в силе. Никакой подгонки результатов под желаемый вывод.

Второй критерий — **воспроизводимость результатов независимыми исследователями**. Одно исследование, даже очень тщательное, может содержать неуловимые ошибки или артефакты. Только когда несколько независимых лабораторий получают одни и те же результаты, можно говорить о научном факте. Поэтому мы публикуем полный протокол исследования: методику сбора данных, критерии включения, алгоритмы сравнения, статистические процедуры. Любой желающий сможет повторить наше исследование.

Воспроизводимость также означает, что мы не можем держать данные в секрете. После завершения исследования и публикации основных результатов мы открываем анонимизированную базу данных для научного сообщества. Другие исследователи смогут проверить наши расчеты, применить альтернативные статистические методы, провести дополнительные субанализы. Это стандартная практика в современных естественных науках. Мы не делаем исключений для нашей деликатной темы.

Третий критерий — **верифицируемость каждого утверждения**. Это означает, что любой факт, на который мы ссылаемся, должен быть подтвержден независимыми источниками. Мы не можем сказать «один ребенок сообщил такие-то детали» без документального подтверждения. Каждый случай из архива Яна Стивенсона сопровождается стенограммами интервью, показаниями свидетелей, документами (свидетельства о рождении и смерти, записи в полицейских участках). Читатель должен иметь возможность проверить каждое наше утверждение.

Верифицируемость особенно важна для случаев, которые мы используем в качестве эмпирической базы. Мы не берем случаи из вторых рук, из популярных книг или интернет-сайтов. Только случаи, документированные по протоколу Стивенсона или его последователей, с полной цепочкой подтверждающих документов. Для каждого случая, упоминаемого в нашей книге, мы даем ссылку на архивный номер в DOPS или публикацию в рецензируемом журнале. Это делает нашу работу проверяемой.

Четвертый критерий — **интерсубъективность**. Результаты исследования не должны зависеть от субъективного мнения исследователя. Если завтра другого человека посадить на место оператора AFIS-сравнения, он должен получить те же результаты. Если исследование провести в другой стране, с другими участниками, результаты должны быть теми же. Это требование исключает «личное видение», «интуицию ученого» и прочие ненадежные источники знания. Только объективные, воспроизводимые измерения.

Интерсубъективность обеспечивается несколькими процедурными решениями. Первое — слепой анализ: оператор не знает, относится ли отпечаток стопы к экспериментальной группе (дети с воспоминаниями) или к контрольной. Второе — автоматизированное сравнение: AFIS выдает результат по объективным алгоритмам, без участия человека. Третье — строгие критерии совпадения: 12 минициевых точек, никаких «похоже» или «напоминает». Четвертое — статистическая обработка с фиксированными правилами принятия решения.

Пятый критерий — **этическая обоснованность исследования**. Любое научное исследование с участием людей должно соответствовать этическим стандартам. Для нас это особенно важно, потому что тема исследования потенциально стигматизирующая. Участники (особенно дети с воспоминаниями) могут столкнуться с непониманием, насмешками или давлением. Мы

обязаны защитить их от этих рисков. Этические принципы для нас не менее важны, чем методологические.

Информированное согласие — первый и главный этический принцип. Каждый участник (или его законный представитель) подписывает документ, в котором подробно объяснены цели исследования, процедуры, возможные риски и выгоды. Участник имеет право отказаться от участия в любой момент без объяснения причин. Это право распространяется и на использование его дерматоглифических данных, и на публикацию результатов. Никакого принуждения, даже неявного.

Конфиденциальность — второй ключевой принцип. Персональные данные участников (ФИО, контакты) хранятся отдельно от биометрических данных и не публикуются никогда. В научных статьях и базах данных участники фигурируют только под анонимными кодами. Даже факт участия человека в исследовании не разглашается без его отдельного согласия. Это защищает участников от возможной стигматизации со стороны работодателей, соседей или общественности.

Особые меры предусмотрены для детей с воспоминаниями о предыдущей жизни. Такие дети могут испытывать экзистенциальную тревогу, конфликты с семьей, чувство изоляции. Мы предоставляем им доступ к психологической поддержке — бесплатно и конфиденциально. Психолог не является членом исследовательской группы и не передает нам содержание сессий. Ребенок может прекратить участие в исследовании без объяснения причин, и его право на психологическую поддержку сохраняется.

Этический комитет — независимый орган, контролирующий соблюдение всех этических норм. Мы подаем протокол исследования на утверждение в этический комитет до начала сбора данных. Комитет может отклонить протокол, потребовать изменений или одобрить с условиями. Мы обязаны сообщать комитету о любых нежелательных явлениях в ходе исследования. Члены комитета имеют доступ к данным о ходе исследования в любой момент.

Отказ от эзотерического языка — тоже часть этической позиции. Использование слов «душа», «карма», «переселение» может создавать ложные ожидания у участников или их родителей. Они могут подумать, что исследование подтверждает их религиозные убеждения или, напротив, угрожает им. Мы честно говорим: наше исследование не имеет отношения к религии. Оно проверяет только одну узкую гипотезу о возможной преемственности кожных узоров.

Принцип фальсифицируемости защищает нас от самообмана. Когда мы начинаем исследование с сильной верой в его успех, мы склонны интерпретировать неоднозначные результаты в свою пользу. Жесткий критерий фальсификации (нулевая гипотеза, $p < 0,05$ после поправки Бонферрони) не оставляет места для самообмана. Мы должны быть готовы признать гипотезу ложной. Это не поражение, а нормальная научная работа.

Воспроизводимость защищает нас от ошибок, связанных с уникальностью нашей выборки или методики. Если мы получим положительный результат, но никто не сможет его воспроизвести, значит, мы ошиблись или (не дай бог) сфальсифицировали данные. Публикация полного протокола и открытие данных — наш страховочный трос. Мы не боимся проверки, потому что ничего не прячем. Это позиция уверенного ученого, а не сектанта.

Верифицируемость защищает нас от использования сомнительных источников. В пограничных областях много фальшивок, преувеличений и откровенных мистификаций. Мы не берем случаи из бульварной прессы или социальных сетей. Только документированные случаи с полной цепочкой подтверждений. Это ограничивает наш материал, но делает его надежным. Лучше меньше фактов, но каждый — железобетонный.

Интерсубъективность защищает нас от обвинений в предвзятости. Критики часто говорят: «Исследователи верят в реинкарнацию, поэтому они находят то, что хотят найти». Мы снимаем это возражение слепым анализом и автоматизированным сравнением. Ни оператор, ни AFIS не знают, чьи отпечатки они сравнивают. Результат не зависит от наших убеждений. Это максимально возможная объективность.

Этическая обоснованность защищает наших участников, но также защищает и нас самих. Исследование на деликатную тему может вызвать агрессию со стороны активистов, религиозных фундаменталистов или, напротив, защитников материализма. Соблюдение высших этических стандартов — наша лучшая защита от критики. Если кто-то попытается нас дискредитировать, мы предъявим заключение этического комитета и подписанные согласия. Это сильный аргумент.

Все пять критериев взаимосвязаны и поддерживают друг друга. Фальсифицируемость без воспроизводимости — пустой звук. Воспроизводимость без верифицируемости невозможна. Верифицируемость без интерсубъективности не гарантирует объективности. А этическая обоснованность — условие, без которого исследование не имеет права начинаться. Мы принимаем все пять критериев как обязательные. Никаких компромиссов.

Таким образом, наше исследование не будет уступать по строгости лучшим образцам экспериментальной науки. Мы не просим скидок на «трудность темы». Мы не говорим: «Это пограничный феномен, поэтому давайте будем менее строгими». Напротив, чем сложнее и спорнее тема, тем строже должны быть критерии ее проверки. Иначе мы никогда не убедим скептиков и не защитим себя от самообмана. Научная строгость — наша единственная страховка.

Реинкарнация как культурно-историческая универсалия

Идея реинкарнации не является изобретением какого-то одного народа или одной религии. Она возникает независимо в разных культурах, разделенных тысячами километров и отсутствием исторических контактов. От древней Индии и Греции до кельтской Европы и африканских племен — следы веры в перевоплощение обнаруживаются повсюду. Это делает реинкарнацию не просто религиозным догматом, а когнитивной универсалией — чем-то, что человеческий ум порождает спонтанно. Понимание этого факта важно для нашего исследования, потому что снимает вопрос о культурном заимствовании или внушении.

В этой главе мы рассмотрим основные культурные традиции, в которых идея перевоплощения занимает центральное место. Начнем с древней Индии, где учение о сансаре и карме было впервые систематически изложено в Упанишадах. Затем обратимся к античной традиции — орфизму, пифагореизму и платонизму, где метемпсихоз был философской гипотезой, а не религиозным догматом. Отдельно рассмотрим иудео-христианскую и исламскую традиции, в которых реинкарнация отсутствует в ортодоксальной доктрине, но появляется в мистических течениях.

Особое внимание мы уделим когнитивно-антропологическому объяснению устойчивости идеи реинкарнации. Почему люди в разных концах света независимо друг от друга приходят к одному и тому же представлению? Ответ лежит в особенностях человеческого когнитивного аппарата: интуитивном дуализме, эссенциализме и гипертрофированной агентности. Дети спонтанно рассуждают о продолжении «мыслящего себя» после смерти даже в культурах без веры в реинкарнацию. Это эмпирическое наблюдение снимает необходимость искать исторические заимствования для объяснения распространенности идеи.

Для нашего исследования культурно-исторический экскурс важен не только с академической точки зрения. Он показывает, что феномен детских воспоминаний, документированный Яном Стивенсоном и его последователями, не является артефактом индийской или буддийской культуры. Аналогичные случаи зафиксированы в Турции, Ливане, Бразилии, США и Европе — то есть в культурах с разным отношением к реинкарнации. Это означает, что феномен не сводится к культурному внушению, а имеет, по-видимому, универсальную природу. Культура влияет на форму, но не на наличие феномена.

В завершение мы обратимся к вопросу, который часто задают критики: если идея реинкарнации так естественна для человека, не значит ли это, что она является когнитивной иллюзией, а не отражением реальности? Возможно. Но из того, что идея естественна, не следует, что она ложна. Идея причинности также естественна для человека, и это не делает ее иллюзией. Наша задача — не выносить априорных суждений об истинности или ложности идеи, а проверить ее эмпирически. Культурно-исторический обзор лишь показывает, что эта идея заслуживает проверки.

Распространенность идеи в мировых культурах

Идея реинкарнации не является маргинальным верованием, распространенным лишь в нескольких культурах. Согласно антропологическим исследованиям, те или иные формы представлений о перевоплощении присутствуют примерно в тридцати процентах мировых культур. Это огромный массив, включающий народы Азии, Африки, Океании, Америки и даже некото-

рые европейские традиции. Для сравнения: вера в единого личного Бога распространена примерно в аналогичном проценте культур. Реинкарнация — это не экзотика, а одна из стандартных опций человеческого мировосприятия.

Статистика современных опросов подтверждает, что идея реинкарнации жива и в секулярных обществах. Около двадцати процентов граждан США считают реинкарнацию правдоподобной или полностью принимают ее. Это при том, что официальная христианская доктрина США отрицает перевоплощение, а большинство американцев идентифицируют себя как христиане. Двадцать процентов — это каждый пятый. В некоторых европейских странах этот показатель еще выше, достигая двадцати пяти-тридцати процентов.

В странах Азии и Африки вера в реинкарнацию значительно более распространена. В Индии, где индуизм является религией большинства, около семидесяти процентов населения принимают идею перерождения. В буддийских странах — Таиланде, Мьянме, Шри-Ланке, Камбодже — этот показатель достигает шестидесяти-восьмидесяти процентов. В Китае, где официальная идеология атеистична, традиционные верования включают элементы реинкарнации, и около сорока процентов китайцев так или иначе признают возможность перерождения. Африканские страны, особенно те, где сохранились традиционные религии, также демонстрируют высокий уровень принятия этой идеи.

Важно подчеркнуть, что распространенность идеи реинкарнации не ограничивается культурами, где она институционализирована в религиозных доктринах. Во многих культурах с доминирующим христианством или исламом идея перевоплощения существует на народном уровне, часто вопреки официальному учению церкви. Например, среди православных народов Восточной Европы существуют поверья о перерождении великих грешников в животных или деревья. В исламском мире, особенно в суфийских кругах, также встречаются представления о танасухе (перевроплощении). Это говорит о том, что идея реинкарнации обладает собственной когнитивной привлекательностью.

Наиболее убедительным аргументом в пользу того, что реинкарнация не является продуктом культурного распространения, служит ее независимое возникновение в регионах без исторических контактов. Цивилизации Индии и Греции развивались параллельно, с минимальными контактами в древний период. Тем не менее, в обеих возникли философские учения о переселении душ — сансара и метемпсихоз соответственно. Ни индийские Упанишады, ни греческий орфизм не заимствовали идею друг у друга. Это независимое изобретение.

То же самое можно сказать о культурах доколумбовой Америки. Ацтеки, майя и инки имели сложные представления о циклах смерти и перерождения, хотя у них не было контактов с Индией или Грецией. В африканских традиционных религиях идея перевоплощения присутствует у многих народов, включая йоруба, догонов, баганда. У австралийских аборигенов и папуасов Новой Гвинеи также есть мифологии, включающие элементы реинкарнации. Все это независимые возникновения, доказывающие, что идея является когнитивной универсалией.

Когнитивные универсалии — это идеи, которые человеческий мозг порождает спонтанно, без культурного обучения. Например, представление о том, что у других людей есть мысли и чувства (теория разума), возникает у всех детей независимо от культуры. Представление о различении добра и зла также является универсальным, хотя конкретное содержание может варьировать. Реинкарнация, по-видимому, относится к таким универсалиям. Она воз-

никает снова и снова в разных местах, потому что человеческий когнитивный аппарат устроен определенным образом.

Исследования детей в культурах без веры в реинкарнацию подтверждают этот тезис. Джесси Беринг и его коллеги показали, что дети спонтанно рассуждают о продолжении «мыслящего себя» после смерти, даже если их родители атеисты. Например, дети говорят, что умершая мышь больше не чувствует голода и не хочет пить, но продолжает думать и помнить. Это интуитивный дуализм — автоматическое восприятие разума и тела как отделимых сущностей. Он возникает без обучения и является предшественником веры в загробную жизнь.

Интуитивный дуализм не приводит автоматически к вере в реинкарнацию. Для этого нужен еще один когнитивный механизм — интуитивный эссенциализм. Дети и взрослые склонны думать, что у каждого живого существа есть некая скрытая сущность (эссенция), которая определяет, кем оно является. Эта эссенция может сохраняться при изменении внешних признаков. Реинкарнация — это представление о том, что сущность (например, душа или индивидуальность) может сохраняться при смене телесной оболочки. Эссенциализм делает эту идею когнитивно естественной.

Третий механизм — гипертрофированная агентность, то есть склонность приписывать события намерениям невидимых агентов. Если человек умирает — значит, кто-то (боги, судьба, карма) организовал его перерождение. Если ребенок рождается — значит, кто-то выбрал его родителей или семью. Эта склонность особенно сильна у детей младшего возраста и снижается с возрастом, что соответствует возрастной динамике воспоминаний о предыдущей жизни. Дети 2—3 лет — пик гипертрофированной агентности — чаще всего сообщают о реинкарнационных воспоминаниях.

Исследование Джесси Беринга, опубликованное в *Behavioral and Brain Sciences* в 2006 году, показало, что спонтанные рассуждения о продолжении «мыслящего себя» после смерти встречаются у детей даже в культурах без веры в реинкарнацию. Детей не учили этому — они приходили к этому сами. К семи-восемью годам эти рассуждения исчезают, сменяясь более взрослым пониманием смерти как полного прекращения. Этот возрастной диапазон — 2—3 года до 6—7 лет — точно совпадает с возрастом реинкарнационных воспоминаний в архиве Яна Стивенсона. Совпадение неслучайное.

Почему же, если идея реинкарнации так естественна, не все культуры ее принимают? Ответ: культурное обучение может подавлять естественные когнитивные склонности. Христианство и ислам активно боролись с верой в перевоплощение на протяжении столетий. Второй Константинопольский собор 553 года осудил оригенизм, включавший учение о предсуществовании душ. После этого вера в реинкарнацию стала ересью, за которую можно было поплатиться жизнью. Естественная когнитивная склонность была подавлена мощным культурным давлением.

В культурах, где такого подавления не было или оно было слабее, идея реинкарнации сохранилась или даже стала ортодоксальной доктриной. Индуизм, буддизм, джайнизм, сикхизм — все они включают перевоплощение в свои основные учения. Это не значит, что эти религии «истиннее». Это значит, что в этих культурах естественная когнитивная склонность не была подавлена, а получила институциональное оформление. Культура может либо поддерживать, либо подавлять когнитивные универсалии. Реинкарнация относится к подавляемым в одних культурах и культивируемым в других.

Для нашего исследования этот культурно-антропологический экскурс имеет прямое значение. Он показывает, что феномен детских воспоминаний о предыдущей жизни, документированный Стивенсоном, не может быть объяснен исключительно культурным внушением. Если бы дело было только во внушении, то в западных культурах, где реинкарнация не одобряется, случаев не было бы вообще. Но они есть. Более того, они демонстрируют ту же возрастную динамику, что и спонтанные когнитивные рассуждения детей. Это указывает на глубинный когнитивный механизм.

Означает ли это, что реинкарнация реальна? Не обязательно. Когнитивная естественность идеи не доказывает ее истинности. Человеческий мозг может быть предрасположен к определенным иллюзиям — например, к вере в то, что упавший предмет продолжает падать с той же скоростью (до Галилея все так думали). Реинкарнация может быть такой же интуитивной физикой, которая не соответствует реальности. Но это не освобождает нас от обязанности проверить эмпирические данные, которые нельзя объяснить когнитивной иллюзией.

Дело в том, что когнитивная иллюзия объясняет только веру в реинкарнацию, но не объясняет конкретные верифицируемые детали в случаях Яна Стивенсона. Ребенок, который называет имя, место и обстоятельства смерти человека, о котором он не мог знать, — это не просто проявление интуитивного дуализма. Фобии, соответствующие способу смерти, — это не просто эссенциализм. Родимые пятна, совпадающие с ранами, — это не просто гипертрофированная агентность. Когнитивная универсальность идеи лишь создает контекст, в котором такие случаи могут возникать и документироваться.

Таким образом, распространенность идеи реинкарнации в мировых культурах — это не доказательство феномена, а его предпосылка. Если бы идея была абсолютно неестественной и возникала только в одной культуре под влиянием случайных обстоятельств, мы бы с большим подозрением относились к случаям из этой культуры. Но поскольку идея универсальна и возникает независимо во многих культурах, это снимает подозрения в культурном заимствовании или массовом самовнушении. Феномен может быть реальным, а может быть когнитивной иллюзией, но он точно не является случайным или привнесенным извне.

Наше исследование принимает этот факт как данность. Мы не спрашиваем, почему люди верят в реинкарнацию — это вопрос для антропологов и когнитивных психологов. Мы спрашиваем другое: есть ли независимый биологический маркер, который позволяет проверить, происходит ли в некоторых случаях реальная преемственность индивидуальности. Независимо от ответа на этот вопрос, распространенность идеи остается интересным культурно-историческим фактом. Но для нас он служит лишь фоном, на котором разворачивается наше исследование.

Итак, идея реинкарнации присутствует примерно в тридцати процентах мировых культур и принимается двадцатью-семьюдесятью процентами населения в разных регионах. Она возникает независимо в древней Индии, Греции, Америке, Африке и Океании, что говорит о ее когнитивной естественности. Три механизма — интуитивный дуализм, эссенциализм и гипертрофированная агентность — делают эту идею привлекательной для человеческого ума. Культурное подавление может ее ослабить, но не устранить полностью. Для нашего исследования этот факт создает необходимый контекст, но не заменяет эмпирической проверки. К проверке мы и переходим в следующих разделах.

Древнеиндийская традиция (сансара и карма)

Древнеиндийская традиция является наиболее древним и наиболее разработанным источником учения о перевоплощении. Однако важно понимать, что идея реинкарнации не присутствует в индийской культуре изначально. Наиболее архаичные священные тексты Индии — Веды, составленные во втором-первом тысячелетии до нашей эры, — не знают учения о переселении душ. В Ведах говорится о смерти, о загробном мире (царстве Ямы), о воздаянии за добрые и злые дела. Но нет представления о повторных рождениях и о выходе из круговорота смертей.

Учение о перевоплощении впервые появляется в Упанишадах — философских текстах, примыкающих к Ведам и составленных в восьмом-шестом веках до нашей эры. Упанишады представляют собой тайное учение (само слово упанишада означает «сидение у ног учителя»), которое передавалось от учителя к ученику. Именно в Упанишадах впервые систематически излагается идея сансары — круговорота рождений и смертей, в котором находится все живое. Сансара понимается как страдание, а цель духовного пути — выход из этого круговорота.

Ключевой элемент учения о сансаре — закон кармы. Карма (санскр. karma — «дело, действие») — это причинно-следственная связь между поступками человека и их последствиями, которые могут проявиться не только в этой, но и в будущих жизнях. Добрые поступки ведут к благоприятному перерождению (в человека высшей касты, бога, полубога), а злые — к неблагоприятному (в животное, растение, обитателя ада, неприкасаемого). Карма не является наказанием или вознаграждением, налагаемым внешней силой. Это естественный закон, подобный закону физической причинности.

Цель духовного пути в индийской традиции — выход из сансары, освобождение от круговорота перерождений. В индуизме это освобождение называется мокша (буквально «освобождение, избавление»), а в буддизме — нирвана («угасание, затухание»). Достигший освобождения больше не рождается снова, прекращает свое существование как отдельная личность и сливается с абсолютной реальностью (Брахманом в индуизме или достигает «не-я» в буддизме). Пока освобождение не достигнуто, сансара продолжается бесконечно. Это радикально иное понимание судьбы человека, чем в западных религиях.

Упанишады описывают разные формы перерождения, в которые может попасть человек в зависимости от своей кармы. Наивысшие формы — божества (дэвы) и полубожественные существа, живущие в небесных мирах. Средние формы — люди, причем каста и социальное положение определяются кармой предыдущих жизней. Низшие формы — животные, растения, а также обитатели адов (нарка), где души страдают за свои злые дела, после чего перерождаются снова. Принципиально важно, что ни одно состояние не является вечным, даже рай или ад. Все есть сансара.

В буддизме, возникшем в шестом веке до нашей эры как реформаторское движение внутри индуизма, учение о перерождении получило еще более радикальное развитие. Будда отрицал существование неизменной души (анатман — «не-я»), но при этом утверждал, что процесс перерождения продолжается. Нет того, кто перерождается (постоянной сущности), но есть причинно-следственная связь между событиями одной жизни и возникновением новой жизни. Эта позиция трудна для понимания, но именно она делает буддийское учение наиболее последовательным. Никакой души — но карма все равно передается.

Джайнская традиция, существующая в Индии параллельно с индуизмом и буддизмом, также включает учение о перерождении. Джайны верят, что душа (джива) перерождается бесконечно, пока не достигнет освобождения через аскезу и не-причинение вреда (ахимсу). В джайнизме особенно подчеркивается, что душа может переродиться не только в животных, но и в растениях, и даже в элементах (земля, вода, огонь, воздух). Поэтому джайны проявляют крайнюю осторожность, чтобы не причинить вред даже мельчайшим живым существам. Это радикальное следствие из веры в реинкарнацию.

В индуистском эпосе «Махабхарата», создававшемся на протяжении нескольких столетий до и после начала нашей эры, учение о перерождении излагается в его самой известной части — «Бхагавад-гите». «Бхагавад-гита» представляет собой диалог между принцем Арджуной и богом Кришной перед началом великой битвы. Арджуна сомневается в необходимости убивать своих родственников на поле боя. Кришна отвечает ему, в том числе, учением о бессмертии души и о перерождении. Этот текст стал одним из самых авторитетных в индуизме.

Знаменитая цитата из «Бхагавад-гиты» (глава II, стих 22) гласит: «Как человек, снимая старые одежды, надевает новые, так и воплощенная душа, оставляя старые тела, облекается в новые». Этот образ смены одежды стал классическим в индийской традиции для объяснения идеи перевоплощения. Душа не умирает, а только меняет тело, как человек меняет изношенную одежду на новую. Тело — лишь внешняя оболочка, а сущность (душа) остается той же. Этот образ часто цитируется в западной литературе о реинкарнации.

Важно отметить, что в индийской традиции перевоплощение не является чем-то желательным или позитивным. Сансара — это страдание, даже если вы переродились богом. В буддизме первая из Четырех Благородных Истин гласит: «Жизнь есть страдание». Рождение, старение, болезнь, смерть, контакт с неприятным, разлука с приятным, неполучение желаемого — все это страдание. Поэтому цель — не хорошо переродиться, а не перерождаться вовсе. Реинкарнация в индийской традиции — это не утешение, а диагноз. Она указывает на проблему, а не на ее решение.

Закон кармы в индийской традиции строго этичен. Нет внешнего судьи, который награждает или наказывает. Есть просто причинно-следственная связь: злые действия порождают злые последствия для того, кто их совершил, а добрые — добрые. Эта связь может проявиться не сразу, а через много жизней. Ничто не теряется и не забывается. Даже самые малые поступки имеют значение. Это создает мощную мотивацию для этического поведения, не зависящую от внешнего контроля.

Карма не является фатализмом. Человек может изменить свою будущую судьбу своими действиями в настоящем. Более того, в индийской традиции существуют практики (йога, медитация, бхакти — преданность богу), которые могут сжечь накопленную карму или освободить от ее действия. Таким образом, карма — это не приговор, а скорее заданный контекст, в котором человек обладает свободой выбора. Эта свобода выбора в каждой жизни определяет, какой будет следующая. Человек — хозяин своей кармы.

В индийской традиции существует и представление об интермиссии — промежутке между смертью и новым рождением. Согласно некоторым Упанишадам и буддийским текстам, душа после смерти некоторое время находится в промежуточном состоянии (антара-бхава на санскрите, бардо в тибетском буддизме). В этом состоянии душа может испытывать видения,

соответствующие ее карме, и готовиться к следующему рождению. Это представление имеет параллели с феноменом интермиссии в исследованиях Яна Стивенсона. Дети из западных культур описывали этот промежуток как пребывание в раю, а дети из азиатских — как пребывание у пагоды или дома.

Буддийское учение о бардо (промежуточном состоянии) особенно детально разработано в тибетской традиции. Тибетская «Книга мертвых» (Бардо Тхёдол) описывает сорок девять дней, которые душа проводит в промежуточном состоянии, переживая мирные и гневные видения. Цель практикующего — узнать эти видения как порождения собственного ума и достичь освобождения. Если это не удастся, душа перерождается в соответствии со своей кармой. Эта детальная картография посмертного существования не имеет аналогов в других культурах.

Важно отметить, что индийская традиция не является однородной в понимании механизма перерождения. Разные школы индуизма и буддизма предлагают разные модели. Адвайта-веданта утверждает, что душа (атман) тождественна абсолюту (Брахману), а перерождения — иллюзия, которая исчезает с достижением знания. Школа йоги утверждает существование множества индивидуальных душ, которые путешествуют по сансаре. Буддийская школа тхеравада отрицает промежуточное состояние между жизнями, тогда как тибетский буддизм его утверждает. Единство — в признании самого факта перерождения.

Для западного читателя важно понимать, что индийская традиция неотделима от практики. Учение о сансаре и карме — не абстрактная философия, а руководство к действию. Оно определяет, что есть, как медитировать, как относиться к животным, как строить отношения с людьми. Вегетарианство в Индии, особенно среди высших каст, напрямую связано с верой в реинкарнацию: убивая животное, вы рискуете убить кого-то, кто был человеком в прошлой жизни, или стать животным в следующей. Вера в перерождение имеет практические, повседневные последствия.

Влияние индийской традиции на западную культуру началось в XIX веке, когда европейские ученые (Шлегель, Шопенгауэр, Мюллер) открыли для себя Упанишады и буддийские тексты. Артур Шопенгауэр назвал Упанишады «самой полезной и самой возвышающей книгой, какая только возможна в этом мире». Идеи кармы и перерождения были усвоены европейской эзотерикой, теософией, а затем и нью-эйджем. Сегодня эти идеи настолько распространены на Западе, что многие считают их исконно западными. Но их корни — в древней Индии.

Для нашего исследования индийская традиция важна по нескольким причинам. Во-первых, именно здесь впервые была систематически сформулирована идея преемственности индивидуальности за пределами одной жизни. Во-вторых, многие случаи, документированные Стивенсоном и его последователями, происходят именно в Индии, где культурный контекст благоприятствует проявлению воспоминаний. В-третьих, индийские представления об интермиссии (промежуточном состоянии) совпадают с сообщениями детей из азиатских культур. Это не доказывает истинности реинкарнации, но показывает внутреннюю согласованность феномена.

Однако мы не должны путать культурно-историческое учение о перевоплощении с нашей эмпирической гипотезой. Индийская традиция говорит о душе, карме, освобождении — понятиях, которые мы не используем. Мы говорим о преемственности измеримых характеристик, а не о душе. Индийская традиция говорит о всеобщности сансары — мы допускаем, что феномен может быть редким. Индийская традиция дает ответы на вопрос о механизме (карма) —

мы не знаем механизма и признаем это. Наша гипотеза гораздо скромнее, чем древнее учение. Но она эмпирически проверяема, а учение — нет.

Таким образом, древнеиндийская традиция предоставляет нам богатый культурно-исторический контекст. Она показывает, что идея преемственности индивидуальности при смене тел стара как минимум два с половиной тысячелетия. Она демонстрирует, как эта идея может быть интегрирована в целостное мировоззрение, включающее этику, практику и метафизику. Но для нашей работы этот контекст — только фон. Наша задача — не комментировать священные тексты, а проверить конкретную гипотезу.

Античная традиция (метемпсихоз в Греции и Риме)

Античная традиция представляет собой второй великий очаг независимого возникновения учения о перевоплощении. В отличие от Индии, где реинкарнация стала частью массовой религии, в Греции она оставалась учением философской элиты и мистических культов. Распространение идеи метемпсихоза (пероудушевления) начинается с шестого века до нашей эры. Двумя главными источниками были орфизм и пифагореизм. Обе традиции оказали огромное влияние на последующую греческую философию, включая Платона.

Орфизм был религиозно-мистическим движением, связанным с именем легендарного певца Орфея. Согласно орфическим верованиям, душа человека заключена в теле как в темнице за некий первородный грех (убийство Диониса титанами). Цель жизни — очистить душу от скверны через аскетические практики и специальные ритуалы. После смерти душа может переродиться в других телах, включая тела животных. Только достигнув достаточной чистоты, душа может освободиться от круга перерождений.

Пифагореизм, основанный Пифагором Самосским (шестой век до нашей эры), также включал учение о перевоплощении. Пифагор, как сообщают древние источники, помнил свои прошлые жизни. Он утверждал, что сначала был эфалидом (сыном Гермеса), затем Евфорбом (героем Троянской войны), затем Гермотимом, затем Пифагором. Эта способность помнить свои предыдущие воплощения считалась признаком особой духовной продвинутой. Пифагорейцы верили, что любая душа может облекаться в любое тело — человека, животного, растения.

Аристотель в трактате «О душе» передает пифагорейское учение следующим образом: «По мнению некоторых, душа есть некое число, движущее само себя. По их словам, любая душа может облекаться в любое тело». Это радикальное утверждение означает, что нет никаких ограничений для перевоплощения. Душа человека может переродиться в волке, в дереве, в птице. И наоборот, душа животного или растения может при соответствующих условиях переродиться в человеке. Это отличается от индийской традиции, где перерождение в животное считалось наказанием.

Практические следствия веры в перевоплощение в пифагорейской общине были весьма конкретными. Пифагорейцы отказывались от кровавых жертвоприношений, которые были нормой в греческой религии. Они были строгими вегетарианцами, потому что не хотели убивать животных, в которых могли находиться души умерших людей. Сохранилась история о том, как Пифагор узнал в визге щенка голос умершего друга. Для пифагорейцев воздержание от мяса было не просто диетой, а религиозной обязанностью.

Орфики также практиковали вегетарианство и отказ от кровавых жертв, хотя и по несколько иным причинам. Они верили, что тело создано титанами из останков Диониса, и поэтому любое убийство живого существа усугубляет загрязнение души. Существовали специальные орфические таблички с инструкциями для умершего — что говорить, встретившись с хранителями загробного мира. Эти таблички были найдены в могилах на юге Италии и Крита. Они показывают, как серьезно орфики относились к посмертной судьбе души.

Платон (пятый-четвертый века до нашей эры) был наиболее влиятельным греческим философом, принявшим учение о метемпсихозе. Он переосмыслил его в контексте нравственного воздаяния, придав этическое измерение. В диалоге «Федон» Платон приводит аргументы в пользу бессмертия души и перевоплощения. В «Федре» он описывает круговорот душ, которые падают с небес в тела людей, а затем могут вернуться на небо, если проживут философскую жизнь. В «Тимее» он дает космологическое обоснование: души были сотворены демиургом и распределены по звездам, а затем воплощены в телах.

Наиболее подробное и драматическое изложение учения о метемпсихозе Платон дает в десятой книге «Государства» — в знаменитом «мифе об Эре». Эр, сын Армения, погиб на войне, а через десять дней ожил на погребальном костре и рассказал, что видел в загробном мире. Он видел души, которые выбирали свою следующую жизнь — человеческую или животную. Выбор определялся опытом предыдущей жизни: души, прожившие несправедливо, выбирали наказание; души, прожившие справедливо, выбирали награду. Но самый ответственный момент — выбор следующей жизни, и здесь никто не может заставить душу выбрать плохо.

«Миф об Эре» завершается знаменитым изречением: «Не добродетель сама по себе награда, и не порок сам по себе наказание. Душа сама выбирает свой удел. Пусть же тот, кто слышит это, помнит: выбор за ним». Это радикальное этическое утверждение: судьба человека в следующей жизни определяется его свободным выбором в этой жизни. Никакой внешней силы, предопределяющей участь души, нет. Есть только причинно-следственная связь между поступками и их последствиями. Это очень близко к индийскому пониманию кармы.

Важно подчеркнуть, что орфизм, пифагореизм и платонизм были элитарными учениями. Народная религия Греции, в отличие от философской элиты, не знала метемпсихоза. Гомер и Гесиод описывают загробный мир как мрачное царство Аида, где души умерших ведут теническое существование, лишённое радости и активности. Исключения составляют великие герои, которые попадают на острова блаженных. Но никакого круговорота перерождений в народных верованиях нет. Перевоплощение было идеей философов и мистиков, а не простого народа.

Это различие между элитарной философией и народной религией сохранялось на протяжении всей античной истории. Даже в эллинистический период, когда восточные влияния стали сильнее, большинство греков и римлян не верили в перевоплощение. Они приносили жертвы богам, заботились о погребении умерших, верили в тени в Аиде. Метемпсихоз оставался уделом платоников, пифагорейцев и некоторых гностических сект. Это важно для нашего исследования, потому что показывает: вера в реинкарнацию не является универсальной даже в культурах, где она возникла.

В Риме учение о метемпсихозе было воспринято главным образом через платоническую традицию. Цицерон (первый век до нашей эры) в трактате «Тускуланские беседы» обсуждает возможность перевоплощения и приводит аргументы как за, так и против. Он не принимает учение с полной уверенностью, но относится к нему с уважением как к древней мудрости.

В другом сочинении, «Сон Сципиона», Цицерон описывает загробное воздаяние, хотя и без явного учения о перерождении. Его позиция — скептическая, но открытая.

Плотин (третий век нашей эры), основатель неоплатонизма, развил платоновское учение о метемпсихозе в более систематической форме. Он учил, что души переходят из одного тела в другое в соответствии с законом причинности, но при этом сохраняют тождество своей сущности. Душа человека может переродиться в животном только в том случае, если при жизни она полностью отождествляла себя с животными страстями. Однако Плотин утверждал, что душа никогда полностью не отождествляется с телом и сохраняет возможность вернуться к божественной жизни.

Неоплатоник Прокл (пятый век нашей эры) дал наиболее детальное философское обоснование метемпсихоза. Он различал разные уровни воплощения души — в небесных телах, в человеческих телах, в животных. Душа может нисходить и восходить по иерархии воплощений в зависимости от своей чистоты. Это учение оказало огромное влияние на средневековую и ренессансную философию. Даже после осуждения оригенизма в христианстве, платоновская традиция продолжала питать европейскую мысль идеей перевоплощения.

Эмпедокл, досократический философ из Агригента (пятый век до нашей эры), также учил о переселении душ. Он утверждал, что сам был когда-то мальчиком, девочкой, кустом, птицей и рыбой. Его поэма «Очищения» содержит плач души, изгнанной из блаженного мира и скитающейся в разных телах. Эмпедокл проповедовал вегетарианство и отказ от мяса, связывая это с верой в то, что животные — это люди, которые совершили преступления. Его учение оказало влияние на Платона и на пифагорейскую традицию.

В эллинистический период учение о перевоплощении было воспринято некоторыми школами стоиков и гностиков. Стоики, обычно материалисты, иногда допускали возможность того, что душа (пневма) может переходить из одного тела в другое после смерти. Гностические секты, особенно манихеи, активно проповедовали переселение душ. Однако эти учения оставались маргинальными в римской культуре. Доминирующей оставалась вера в загробное существование как в некое подобие земной жизни — но не в перерождение.

Для нашего исследования античная традиция важна как доказательство независимого возникновения идеи реинкарнации. Греция и Индия развивались параллельно, без значительных контактов в ранний период. Тем не менее, в обеих культурах примерно в одно и то же время (восьмой-шестой века до нашей эры) возникает учение о круговороте перерождений. Это не может быть объяснено заимствованием. Скорее, это говорит о том, что идея реинкарнации является когнитивной универсалией, которая при определенных культурных условиях выходит на поверхность.

Античная традиция также показывает, что вера в реинкарнацию может сочетаться с разными философскими позициями. У пифагорейцев она была связана с математикой и аскезой. У Платона — с этикой и теорией познания. У неоплатоников — с эманационной космологией. Никакой единой «доктрины реинкарнации» не существует. Это важно для нашего исследования, потому что мы тоже не предлагаем единой доктрины. Мы предлагаем только эмпирическую гипотезу, которую можно проверить независимо от философских предпочтений. Метемпсихоз платоников и гипотеза отпечатка пальца стопы — это очень разные вещи. Наша задача — скромнее, но и строже.

Иудео-христианская и исламская традиции

Иудео-христианская и исламская традиции представляют собой контрастный пример по отношению к индийской и античной. В этих религиях идея реинкарнации отсутствует в ортодоксальной доктрине и часто прямо осуждается. Однако это не означает, что она полностью отсутствует в этих культурах. В мистических течениях иудаизма и ислама, а также у некоторых раннехристианских авторов, идея перевоплощения появляется, хотя и остается маргинальной. Это важно для нашего исследования, потому что показывает: вера в реинкарнацию не является универсальной, но может возникать как альтернативная традиция внутри доминирующих религий.

В ортодоксальном иудаизме идея перевоплощения долгое время отсутствовала. Танах (Ветхий Завет) не содержит учения о переселении душ. В нем говорится о смерти, о шеоле (царстве мертвых), о воскресении мертвых в конце времен — но не о круговороте перерождений. Раввинистическая литература первых веков нашей эры также не знает реинкарнации. Мудрецы Талмуда обсуждают загробную жизнь, рай и ад, воскресение, но не перевоплощение. Идея гилгул (от ивритского слова, означающего «круговорот, перевоплощение») появляется только в средние века.

Время появления гилгула — двенадцатый-тринадцатый века, в мистической традиции каббалы. Ключевой текст, в котором эта идея впервые систематически излагается, — книга «Зогар» (Книга Сияния), основной текст каббалистической традиции. В «Зогаре» утверждается, что души могут возвращаться в этот мир несколько раз, чтобы исправить то, что не смогли исправить в предыдущей жизни. Это не универсальное правило для всех душ, а особый путь для тех, кто не выполнил свое предназначение. Цель гилгула — исправление (тиккун), после которого душа может окончательно покинуть мир.

Идея гилгула была развита позднейшими каббалистами, особенно Ицхаком Лурией (Аризаль, шестнадцатый век) в Цфате. Лурианская каббала создала сложное учение о цимцуме (сжатии Бога), швират ха-келим (разрушении сосудов), и тиккуне (исправлении). В этой системе гилгул — один из механизмов тиккуна. Душа может воплощаться в теле человека, животного, растения или даже камня. Однако это учение оставалось эзотерическим, доступным лишь узкому кругу посвященных. Для большинства евреев реинкарнация не была частью их религиозных представлений.

В христианстве идея реинкарнации с самого начала была отвергнута. Новый Завет не содержит учения о перевоплощении. Напротив, в Послании к Евреям (9:27) прямо сказано: «Человекам положено однажды умереть, а потом суд». Воскресение мертвых в конце времен — единственная форма загробной жизни, признаваемая ортодоксальным христианством. Никакого круговорота рождений и смертей нет. Жизнь одна, за ней следует либо вечное блаженство (рай), либо вечное наказание (ад). Это радикально отличается от индийской и античной моделей.

Однако в раннем христианстве существовали авторы, которые допускали возможность перевоплощения или предсуществования душ. Самый известный из них — Ориген (второй-третий века), великий александрийский богослов. Ориген учил, что все души были созданы Богом изначально равными, но некоторые из них отпали от Бога и были заключены в тела. После смерти души проходят через очищение и могут вернуться к Богу. Этот процесс

может занимать несколько жизней. Учение Оригена называлось апокатастасис — всеобщее восстановление.

Идея апокатастасиса (всеобщего спасения и восстановления всех душ в исходное состояние) была осуждена как ересь. Второй Константинопольский собор (пятый вселенский собор, 553 год нашей эры) анафематствовал учение Оригена о предсуществовании душ и об апокатастасисе. После этого собора открытое исповедание веры в перевоплощение стало невозможным для христианина. Однако идеи Оригена продолжали влиять на христианских мистиков в течение всего средневековья. Иногда они всплывали у Иоанна Скота Эриугены, Мейстера Экхарта, Якоба Бёме.

В средневековой Европе идеи реинкарнации возникали в еретических движениях. Катары (альбигойцы) южной Франции верили в перевоплощение душ. Они считали, что души людей пали из духовного мира в материальный и должны пройти через множество тел, чтобы очиститься. Католическая церковь жестоко подавила катаров в начале тринадцатого века (альбигойский крестовый поход). После этого идеи реинкарнации в Европе стали почти невыразимыми. Они сохранялись только в оккультной традиции, доступной немногим.

Возрождение интереса к реинкарнации в христианском мире произошло в эпоху Ренессанса благодаря восстановлению платонической традиции. Марсилио Фичино, Джованни Пико делла Мирандола, Джулио Камилло — итальянские гуманисты, которые переводили и комментировали Платона и неоплатоников. Они обсуждали метемпсихоз как философскую гипотезу, не обязательно вступая в конфликт с христианством. Однако официальная церковь продолжала осуждать эти идеи. Инквизиция преследовала тех, кто открыто проповедовал реинкарнацию.

В исламской традиции ситуация аналогична христианству в том, что ортодоксальная доктрина отрицает реинкарнацию. Коран учит, что у человека есть одна жизнь, за которой следует воскресение и суд. В суннитском исламе, который исповедуют около девяноста процентов мусульман, идея перевоплощения (танасух) считается ересью. Суннитские богословы утверждают, что Коран прямо отвергает возможность возвращения душ в новые тела. После смерти душа находится в барзахе (промежуточном состоянии) до дня воскресения. Никакого нового рождения.

Однако в шиитских мистических течениях идея танасуха присутствует. Шииты составляют около десяти процентов мусульман, в основном в Иране, Ираке, Ливане, Йемене. Среди них идея перевоплощения распространена в некоторых гностических ответвлениях — исмаилизме, алавитях (нусайритах), друзах. Эти группы рассматриваются ортодоксальными мусульманами как крайние сектанты (гулат), вышедшие за пределы ислама. Для них танасух является частью их эзотерического учения.

Исмаилиты, ветвь шиитского ислама, признают перевоплощение душ. Они верят, что душа переходит из одного тела в другое до тех пор, пока не достигнет совершенства. В исмаилизме существует сложная иерархия воплощений: пророки, имамы, обычные верующие. Цель — достижение знания (марифат), которое освобождает от круговорота перерождений. Исмаилиты были активны в средние века, создав государство Фатимидов в Египте. Сегодня общины исмаилитов существуют в Индии, Пакистане, Афганистане, Таджикистане.

Алавиты (нусайриты) — синкретическая религиозная группа, живущая в основном в Сирии и Турции. Они верят в перевоплощение душ как в один из способов посмертного существования. По их учению, души праведников переселяются в более совершенные тела, а души грешников — в менее совершенные или в животных. Алавиты долгое время были изолированной общиной и не раскрывали свои доктрины посторонним. В двадцатом веке алавиты стали играть важную политическую роль в Сирии.

Друзы — еще одна синкретическая группа, отколовшаяся от исмаилизма в одиннадцатом веке. Они живут в Ливане, Сирии, Израиле и Иордании. Учение друзов включает веру в танасух (переселение душ). Согласно их доктрине, число душ постоянно, и они переходят из одного тела в другое после смерти. Души не могут переходить в животных — только в человеческие тела, причем только внутри общины друзов. Это закрытое учение, доступное только посвященным (уккаль), и друзы не раскрывают его чужакам.

В мистическом течении суфизма, который существует как в суннитской, так и в шиитской среде, идеи перевоплощения иногда встречаются, но не являются ортодоксальными. Некоторые суфийские шейхи учили, что душа может возвращаться в этот мир для дальнейшего очищения. Однако большинство суфиев придерживаются ортодоксального учения о единократной жизни и воскресении. Идея танасуха в суфизме часто интерпретируется аллегорически — как «перевоплощение» в духовном смысле, а не буквальное переселение. Это различие важно, чтобы не приписывать суфизму того, чего в нем нет.

Для нашего исследования иудео-христианская и исламская традиции важны по нескольким причинам. Во-первых, они показывают, что реинкарнация не является универсальной идеей, вопреки утверждениям некоторых эзотериков. Она отсутствует в трех великих монотеистических религиях, охватывающих большую часть человечества. Во-вторых, они демонстрируют, что даже в культурах, где реинкарнация официально отвергается, она может возникать в мистических течениях. В-третьих, они объясняют, почему западная наука (выросшая из христианской культуры) так долго игнорировала тему перевоплощения.

Понимание культурного контекста важно для интерпретации исследований Яна Стивенсона. Большинство его случаев были собраны в Индии, Шри-Ланке, Таиланде, Турции, Ливане — то есть в культурах, где идея реинкарнации либо принята официально (индуизм, буддизм), либо существует в мистических формах (исламские секты). Но были случаи и в Европе, и в Америке — в культурах, где реинкарнация не одобряется. Эти случаи особенно ценны, потому что исключают гипотезу культурного внушения. Ребенок из христианской семьи, не слышавший о реинкарнации, неожиданно начинает говорить, что он был другим человеком.

Ян Стивенсон документировал случаи и в семьях американских протестантов, где никто не верил в перевоплощение. Родители были шокированы, пытались отучить ребенка от этих разговоров, но безуспешно. Детали, которые сообщал ребенок, впоследствии верифицировались — находился умерший человек, чья жизнь соответствовала этим деталям. В этих случаях гипотеза культурного ожидания не работает: родители не ожидали и не поощряли такие воспоминания, а напротив, их подавляли. Это один из сильных аргументов в пользу реальности феномена.

Таким образом, иудео-христианская и исламская традиции не являются препятствием для нашего исследования. Напротив, они создают интересный контрольный контекст. Если бы реинкарнация была исключительно продуктом индийской культуры, мы бы не находили слу-

чаев в христианских семьях. Но находим. Значит, феномен не сводится к культурному внушению. Наша задача — предложить независимый биологический маркер для его проверки. Культурный контекст, даже отрицающий реинкарнацию, не отменяет эмпирических данных. И не заменяет их.

Когнитивно-антропологическое объяснение устойчивости идеи

Почему идея реинкарнации возникает независимо в разных культурах и сохраняется на протяжении тысячелетий? Ответ не требует гипотезы о заимствованиях или исторических контактах между Индией и Грецией. Достаточно признать, что человеческий когнитивный аппарат устроен определенным образом. Некоторые идеи являются для него «естественными» — они возникают спонтанно у детей без специального обучения. Реинкарнация относится к таким естественным идеям. Когнитивная антропология последних тридцати лет предложила объяснения этого феномена.

Три основных когнитивных механизма делают идею реинкарнации привлекательной. Первый — интуитивный дуализм: автоматическое восприятие разума и тела как отдельных, потенциально отделимых сущностей. Второй — интуитивный эссенциализм: представление о том, что у каждого живого существа есть скрытая сущность, которая определяет его природу. Третий — гипертрофированная агентность: склонность приписывать события в мире действию намеренных агентов (духов, богов, судьбы). Каждый из этих механизмов сам по себе не приводит к вере в реинкарнацию. Но вместе они создают когнитивную основу, на которой эта вера легко вырастает.

Интуитивный дуализм — это автоматическое, нерелексивное разделение психического и физического. Маленькие дети знают, что у куклы есть мысли и чувства, даже если кукла сломана. Они знают, что человек может думать о чем-то, даже если его тело неподвижно. Эксперименты показывают, что дети спонтанно считают разум и тело разными вещами, хотя никто их этому не учил. Этот дуализм не является результатом философского образования. Он является врожденной особенностью человеческого познания. Именно он делает возможной мысль о том, что сознание может пережить смерть тела.

Интуитивный эссенциализм дополняет дуализм представлением о скрытой сущности. Дети и взрослые склонны думать, что у каждого живого существа есть некая внутренняя природа, которая не сводится к внешним признакам. Даже если барсук выглядит как скунс (эксперименты с переодеванием), дети продолжают считать, что он остается барсуком по своей внутренней сущности. Эта эссенция может передаваться от родителей к детям, может сохраняться при изменении внешности. В контексте реинкарнации эссенциализм позволяет мыслить, что нечто важное (душа, индивидуальность) сохраняется при смене телесной оболочки.

Гипертрофированная агентность — третий механизм, склонность видеть за событиями намеренные силы. Человеческий мозг настолько чувствителен к обнаружению агентов, что часто находит их там, где их нет. Шорох в кустах — возможно, хищник, лучше убежать. Ошибка в обнаружении агента (ложная тревога) стоит недорого, а пропуск агента (хищник есть, а вы его не заметили) может стоить жизни. Эволюция закрепила стратегию гипертрофированной агентности: лучше принять ветку за змею, чем змею за ветку. Эта склонность распространяется и на объяснение смерти и перерождения: если кто-то умер и родился, значит, кто-то (боги, карма, судьба) организовал это.

Эмпирические исследования Джесси Беринга и его коллег подтверждают роль этих механизмов. В эксперименте 2006 года детям показывали кукольное представление о мышонке, которого съедает аллигатор. Затем исследователи спрашивали детей о состоянии мышонка после смерти: чувствует ли он голод, хочет ли пить, думает ли о чем-то, помнит ли своих родителей. Дети утверждали, что биологические функции (голод, жажда) прекращаются, но психологические функции (думает, помнит, хочет) продолжают. Это было верно даже для детей, чьи родители были атеистами.

Важно, что этот интуитивный дуализм имеет возрастную динамику. Дети двух-трех лет наиболее склонны приписывать умершему продолжение психологических функций. К шести-семи годам эта склонность ослабевает. К десяти-одиннадцати годам большинство детей усваивают взрослое понимание смерти как полного прекращения всех функций, включая психические. Этот возрастной диапазон — два-семь лет — почти идеально совпадает с возрастом спонтанных реинкарнационных воспоминаний в исследованиях Яна Стивенсона. Это совпадение не случайно: возможно, реинкарнационные воспоминания — это один из способов, которым интуитивный дуализм проявляется у некоторых детей.

Почему же не у всех детей, а только у некоторых? Когнитивная антропология не дает ответа на этот вопрос. Интуитивный дуализм есть у всех детей, но реинкарнационные воспоминания встречаются редко. Возможно, для их возникновения нужны дополнительные условия: травматическая смерть предыдущей личности, близость во времени между смертью и рождением, особый психологический склад ребенка. Или, возможно, в большинстве случаев эти воспоминания подавляются культурой. В западных семьях родители говорят ребенку: «Не выдумывай, этого не может быть». В индийских семьях могут слушать с интересом. Культура не создает феномен, но может его культивировать или подавлять.

Интуитивный эссенциализм также проявляется в детских рассуждениях о тождестве личности. Дети считают, что если душу (или эссенцию) человека пересадить в другого человека, то этот другой станет тем, чью душу он получил. В экспериментах с нарративами о пересадке мозга или души дети предсказывают, что личность переходит вместе с внутренней сущностью. Это показывает, что идея «переселения» чего-то внутреннего является когнитивно естественной для детей. Они приходят к ней без обучения. Реинкарнация — это просто культурное оформление этой когнитивной склонности.

Гипертрофированная агентность объясняет, почему в идее реинкарнации часто присутствует элемент морального воздаяния. Если человек умер и родился заново, то кто-то должен определить, кем именно ему родиться. В индийской традиции это карма — закон, который действует автоматически, как закон физики. Но в народных представлениях карма часто персонифицируется (боги, Яма, судьи загробного мира). В западных реинкарнационных нарративах (например, у детей из США) часто фигурирует Бог или ангелы, которые направляют душу в новое тело. Это работа гипертрофированной агентности: за событием должен стоять агент.

Когнитивно-антропологическое объяснение не утверждает, что реинкарнация нереальна. Оно утверждает только, что идея реинкарнации когнитивно естественна, то есть легко возникает и легко распространяется. Реальность может соответствовать естественной идее, а может и не соответствовать. Идея причинности также естественна для человека, и она реальна (в определенном смысле). Идея движения Солнца вокруг Земли также естественна для человека, но она ложна. Естественность не гарантирует истинности. Поэтому когнитивная антропология не отменяет необходимость эмпирической проверки.

Исследования Джесси Беринга показывают, что интуитивный дуализм присутствует даже у детей, которые никогда не слышали о реинкарнации. Это важный контроль. Если бы дети усваивали идею о продолжении сознания после смерти из культуры, то дети из атеистических семей не демонстрировали бы ее. Но они демонстрируют. Значит, источник этой идеи — не культура, а когнитивный аппарат. Культура может лишь усиливать или ослаблять ее, придавать ей конкретные формы. В Индии она принимает форму сансары и кармы. В Греции — форму метемпсихоза. На Западе — форму реинкарнации в контексте нью-эйджа.

Для нашего исследования когнитивная антропология важна в нескольких отношениях. Во-первых, она объясняет, почему тема реинкарнации вообще существует и почему мы не можем от нее просто отмахнуться. Во-вторых, она показывает, что западная культура, несмотря на официальное отрицание реинкарнации, не свободна от когнитивных предпосылок веры в нее. В-третьих, она указывает на возраст детей (2—7 лет) как на критический период, когда эти когнитивные механизмы наиболее активны. Это подтверждает методологию Яна Стивенсона, который фокусировался именно на детских воспоминаниях.

Однако когнитивная антропология не объясняет главного: точных верифицируемых деталей в случаях Яна Стивенсона. Она может объяснить, почему ребенок вообще может поверить, что он был кем-то другим. Но она не может объяснить, почему этот «кто-то другой» оказывается реальным человеком, о котором у ребенка не было нормальных способов узнать. Она не может объяснить соответствие родимых пятен ранам умершего. Когнитивные механизмы создают предрасположенность к вере в реинкарнацию, но они не создают самих верифицируемых фактов.

Таким образом, устойчивость идеи реинкарнации в мировых культурах объясняется особенностями человеческого когнитивного аппарата. Интуитивный дуализм, эссенциализм и гипертрофированная агентность делают эту идею естественной и легко усваиваемой. Эмпирические исследования Джесси Беринга и других когнитивных антропологов подтверждают, что дети спонтанно рассуждают о продолжении сознания после смерти даже в культурах без веры в реинкарнацию. Для объяснения распространенности идеи не нужна гипотеза о заимствованиях. Но для объяснения конкретных эмпирических данных, собранных Яном Стивенсоном, когнитивной антропологии недостаточно. Нужна проверка.

Эмпирические исследования феномена спонтанных воспоминаний

После культурно-исторического обзора мы переходим к эмпирическим данным. Философские и религиозные учения о реинкарнации — это одно, а документированные случаи детей, помнящих предыдущую жизнь, — совсем другое. Первое относится к истории идей, второе — к науке. В этой главе мы рассмотрим исследовательскую программу, которую на протяжении сорока лет вел Ян Стивенсон, заведующий кафедрой психиатрии Университета Вирджинии. Его архив DOPS (Отдел перцептивных исследований) содержит более 2500 документированных случаев из разных стран мира.

Мы подробно разберем методологию Яна Стивенсона, которая была исключительно жесткой. Фиксировались только спонтанные воспоминания (не под гипнозом), все утверждения ребенка документировались до верификации, затем независимые исследователи отправлялись на место для поиска умершей личности. Мы рассмотрим типичные характеристики этих случаев: возраст начала и прекращения воспоминаний (2—3 года и 6—7 лет), медианный интервал между смертью предыдущей личности и рождением ребенка (15 месяцев), высокую долю неестественных смертей (73 процента). Особое внимание уделим феноменам, которые трудно объяснить без гипотезы преемственности: фобиям, соответствующим способу смерти, и родимым пятнам, совпадающим с ранами умершего.

Отдельный раздел будет посвящен феномену интермиссии — памяти о промежутке между смертью и новым рождением. В 23 процентах случаев (276 детей из 1200) дети спонтанно сообщали о том, что происходило с ними после смерти предыдущей личности и до рождения в текущем теле. Эти сообщения имеют устойчивую структуру: переходная стадия, стабильная стадия, выбор родителей, жизнь в утробе, рождение. Культурные различия в описании интермиссии (земная среда в Азии, небесная среда на Западе) указывают на культурное оформление единого базового феномена.

Мы также рассмотрим исследования физических маркеров — родимых пятен и врожденных дефектов. В выборке из 210 случаев насильственной смерти у 49 детей (23,3 процента) были обнаружены родимые пятна, соответствующие по локализации и форме ранам умершего. Ян Стивенсон предложил для объяснения этого феномена гипотезу «информационного следа», но честно признал, что механизм передачи остается неизвестным. Именно эта эмпирическая корреляция лежит в основе нашей дерматоглифической гипотезы: если одни кожные структуры сохраняют след, то почему другие (папиллярные узоры) не могут?

В завершение главы мы обсудим статус феномена в научном сообществе. Мы приведем признание со стороны авторитетных ученых, включая Карла Сагана, и рецензию в журнале JAMA, назвавшую работу Стивенсона «кропотливо и беспристрастно собранной серией случаев». Мы также укажем на ограничения и критику, главное из которых — отсутствие независимого биологического маркера преемственности. Этот методологический вакуум и есть то, что наше исследование призвано заполнить. Дерматоглифическая гипотеза предлагает именно такой маркер.

Исследовательская программа Яна Стивенсона

Ян Стивенсон родился в 1918 году в Монреале, Канада, и получил медицинское образование в Университете Макгилла. Он специализировался на психиатрии и в 1957 году стал заведующим кафедрой психиатрии Университета Вирджинии. Это была престижная позиция в авторитетном академическом учреждении. Ян Стивенсон не был маргиналом или энтузиастом-любителем. Он был признанным профессионалом с солидной научной репутацией. Именно эта репутация позволила ему заняться темой, которую другие ученые избегали.

В 1961 году Ян Стивенсон отправился в свою первую поездку в Индию. За четыре недели он собрал двадцать пять случаев детских воспоминаний о предыдущей жизни. Это было для него шоком — он не ожидал найти так много документально подтвержденных историй. Первоначально Ян Стивенсон был скептиком и предполагал, что все случаи объясняются внушением или мошенничеством. Но увиденное заставило его изменить мнение. Он понял, что перед ним феномен, требующий серьезного изучения. Так началась его сорокалетняя исследовательская программа.

В 1967 году Ян Стивенсон основал Отдел перцептивных исследований (Division of Perceptual Studies, DOPS) в Университете Вирджинии. Отдел был создан в рамках медицинской школы и занимался исследованием пограничных феноменов сознания: околосмертного опыта, воспоминаний о предыдущих жизнях, явлений, связанных со смертью. Ян Стивенсон возглавлял DOPS до выхода на пенсию в 2002 году. Сегодня отдел продолжает работу под руководством Джима Такера. Архив DOPS — это уникальное собрание, не имеющее аналогов в мире.

Сегодня в архиве DOPS насчитывается более 2500 документированных случаев из всех регионов мира. Крупнейшие коллекции — из Индии, Шри-Ланки, Таиланда, Турции, Ливана, Бразилии, США. Есть также случаи из Европы, Африки, Океании. Ян Стивенсон и его сотрудники лично выезжали на места, интервьюировали свидетелей, собирали документы. Каждый случай проходил через сложную процедуру верификации. Это не просто подборка любопытных историй, а систематический научный архив.

Методология Яна Стивенсона была разработана для исключения ошибок и фальсификаций.

Первое правило: фиксировались только спонтанные воспоминания детей. Ян Стивенсон не использовал гипноз для «восстановления памяти» о прошлых жизнях, потому что это может породить ложные воспоминания. Только то, что ребенок говорил добровольно, без наводящих вопросов. Только такие случаи попадали в архив. Это жесткое ограничение, но именно оно обеспечивает надежность данных.

Второе правило: все утверждения ребенка документируются до верификации. Исследователь записывает, что именно сказал ребенок, в каком возрасте, при каких обстоятельствах. Эти записи не редактируются и не исправляются задним числом. Если ребенок назвал имя «Джон Смит из города Бостон», это фиксируется именно так. Только после этого начинается поиск человека с таким именем в указанном городе. Никакой подстройки фактов под уже найденную личность.

Третье правило: поиск независимых свидетелей. Исследователь находит людей, которые слышали утверждения ребенка до того, как была найдена предполагаемая предыдущая личность. Эти свидетели могут подтвердить, что ребенок действительно называл эти имена и детали, а не выучил их после того, как семья умершего была обнаружена. Это защита от гипотезы ретроспективного припоминания. Свидетели также независимо опрашиваются, их показания сравниваются.

Четвертое правило: идентификация умершей личности. Исследователь пытается найти человека, чья жизнь соответствовала бы утверждениям ребенка. Сравниваются имена, даты, места, род занятий, семейное положение, обстоятельства смерти. Если такой человек находится, исследователь собирает документы: свидетельства о рождении и смерти, школьные и военные записи, фотографии. Только после этого случай считается верифицированным. Если умерший не найден, случай остается неверифицированным и не включается в основные публикации.

Пятое правило: исключение нормальных путей передачи информации. Исследователь проверяет, мог ли ребенок услышать об умершем человеке от родственников, соседей, знакомых. Расстояние между местом жительства ребенка и местом жительства умершего может составлять сотни или тысячи километров. Семья ребенка и семья умершего могут не иметь никаких контактов. Исключается возможность случайного совпадения или скрытой утечки информации. Это самая сложная часть методологии.

Шестое правило: документирование не только вербальных утверждений, но и поведения ребенка. Ян Стивенсон фиксировал фобии, странные игры, необычные привычки, не соответствующие возрасту знания и навыки. Например, ребенок, который боится воды, хотя никогда не имел негативного опыта с водой. Или ребенок, который играет в похоронную процессию, хотя его никто этому не учил. Или ребенок, который знает ремесло, которым не владеет никто в его семье. Эти поведенческие данные служат дополнительным источником информации.

Седьмое правило: фотофиксация родимых пятен и врожденных дефектов. Ян Стивенсон и его сотрудники фотографировали родимые пятна детей и сравнивали их с ранами умерших (по медицинским документам или фотографиям). Совпадения оценивались независимыми судьями, которые не знали, какой ране какое пятно соответствует. Это обеспечивало объективность оценки. В некоторых случаях пятна были настолько специфическими, что случайное совпадение исключалось. Эти физические маркеры стали одним из самых сильных аргументов в пользу реальности феномена.

Ян Стивенсон предъявлял к себе и к своим сотрудникам чрезвычайно высокие требования. Он публиковал только случаи, которые прошли полную верификацию по всем правилам. Случаи, где оставалась хотя бы малейшая возможность нормального объяснения, исключались из основных публикаций. Это привело к тому, что в книге «Twenty Cases Suggestive of Reincarnation» (1974) описаны всего двадцать случаев. Но каждый из них — железобетонный. Ян Стивенсон предпочитал меньше, но лучше. Это подход настоящего ученого.

Критики часто спрашивают: если Ян Стивенсон был так строг, почему он не опубликовал больше случаев? Ответ: потому что он не хотел разбавлять качество количеством. Тысячи случаев в архиве DOPS находятся на разных стадиях верификации. Многие неполные, многие не имеют достаточного количества свидетелей, многие не позволяют исключить нормальные пути передачи информации. Ян Стивенсон не считал возможным публиковать их как дока-

зательные. Но он сохранил их для будущих исследователей. Это ответственное обращение с данными.

Важно понимать, что Ян Стивенсон не был «верующим» в реинкарнацию. Он был агностиком, который хотел докопаться до истины. В своих публикациях он избегал термина «реинкарнация», предпочитая нейтральное «cases of the reincarnation type» (случаи реинкарнационного типа). Он не утверждал, что эти случаи доказывают перевоплощение. Он говорил: «Они предполагают (suggestive) реинкарнацию». Этим объясняется название его главной книги. Ян Стивенсон был осторожен и точен в формулировках.

Исследовательская программа Яна Стивенсона не ограничивалась сбором новых случаев. Он также занимался сравнительным анализом: сопоставлял случаи из разных культур, искал общие закономерности, проверял альтернативные гипотезы. Например, он показал, что частота случаев с неестественной смертью предыдущей личности (73 процента) значительно выше, чем в общей популяции. Это позволило отвергнуть гипотезу о том, что дети просто пересказывают истории об умерших родственниках. Случайная смерть не является более частой темой для детских фантазий.

Ян Стивенсон также исследовал вопрос о том, как далеко во времени может простирается память о предыдущей жизни. Максимальный зафиксированный интервал между смертью предыдущей личности и рождением ребенка составляет несколько десятилетий. Минимальный — несколько месяцев. Медиана — 15 месяцев. Это опровергает гипотезу о том, что дети просто «подхватывают» информацию о недавно умерших людях из разговоров взрослых. Если бы дело было только в этом, интервал был бы значительно короче.

Одним из наиболее убедительных аспектов работы Яна Стивенсона является его ответ на критику. Каждый раз, когда кто-то предлагал альтернативное объяснение, Ян Стивенсон пытался проверить его эмпирически. Гипотеза криптомнезии (скрытых воспоминаний) — проверена. Гипотеза культурного ожидания — проверена. Гипотеза семейного сговора — проверена. Ни одна из них не объяснила весь массив данных. Это не значит, что феномен реален. Это значит, что альтернативные гипотезы не работают. Остается то, что остается.

Ян Стивенсон сотрудничал с независимыми исследователями в разных странах. Сачвант Пасрича в Индии, Эрлендур Харальдссон в Исландии, Антония Миллс в Канаде, Юрген Кейл в Тасмании — все они использовали ту же методологию и получили те же результаты. Это не было делом одного человека. Это была международная исследовательская программа. Критики, которые говорят, что Ян Стивенсон был «одиноким чудаком», просто не знакомы с литературой. Репликации были, и они подтвердили основные выводы.

После смерти Яна Стивенсона в 2007 году его работу продолжил Джим Такер, детский психиатр, который сейчас возглавляет DOPS. Джим Такер опубликовал книгу «Life Before Life» (2005), где обобщил случаи, собранные после Яна Стивенсона. Методология осталась той же. Выводы — теми же. Новых альтернативных объяснений не появилось. Проблема остается открытой. Именно эту проблему мы и пытаемся решить, предлагая независимый биологический маркер.

Архив DOPS сегодня доступен для исследователей по запросу. Он оцифрован, и многие материалы можно получить, обратившись в отдел. Это не секретное хранилище оккультных знаний. Это академический архив при медицинской школе Университета Вирджинии. Любой

серьезный исследователь может приехать и работать с материалами. Это соответствие критерию интерсубъективности, о котором мы говорили в первой главе. Данные Яна Стивенсона открыты для проверки. Никто их не прячет.

Для нашего дерматоглифического исследования работа Яна Стивенсона имеет прямое значение. Она предоставляет нам проверенную методологию выявления и верификации случаев спонтанных воспоминаний. Мы не собираемся запрашивать архив DOPS или искать отпечатки пальцев умерших, о которых сообщал Ян Стивенсон. Это было бы практически невозможно, а главное — не нужно. Мы используем методологию Яна Стивенсона как образец для построения собственных исследований на территории России. Мы найдем российских детей с аналогичными воспоминаниями, верифицируем их по протоколу Яна Стивенсона, и уже в этих верифицированных случаях будем сравнивать отпечатки стопы ребенка с отпечатками пальцев рук предполагаемой предыдущей личности (если удастся получить доступ к архивам МВД по умершему). Это сложно, но выполнимо.

Типичные характеристики случаев

Случаи спонтанных воспоминаний о предыдущей жизни, собранные Яном Стивенсоном, демонстрируют удивительную статистическую однородность. Независимо от страны, культуры или религии ребенка, основные параметры случаев повторяются. Возраст начала воспоминаний, возраст их прекращения, интервал между смертью и рождением, обстоятельства смерти — все это имеет устойчивые числовые характеристики. Это позволяет говорить не об отдельных анекдотических историях, а о систематическом феномене. Статистика — наша главная защита от обвинений в выборочном цитировании удобных случаев (cherry picking).

Медианный возраст начала воспоминаний составляет 2—3 года. В этом возрасте дети начинают говорить связными предложениями и могут сообщить о том, что «помнят». Некоторые дети начинают говорить раньше, некоторые позже, но пик приходится именно на третий год жизни. Интересно, что дети не «учатся» этим воспоминаниям — они просто начинают их высказывать. Родители часто говорят, что ребенок как будто всегда знал то, что сообщает. Возраст начала совпадает с пиком интуитивного дуализма, о котором говорил Джесси Беринг. Это не случайное совпадение.

Медианный возраст прекращения воспоминаний — 6—7 лет. Примерно к этому возрасту дети перестают спонтанно говорить о предыдущей жизни. Некоторые из них сохраняют отдельные воспоминания, но большинство забывают всё, что сообщали. Родители часто говорят, что ребенок как будто «перерос» это. Возраст прекращения совпадает с возрастным угасанием интуитивного дуализма по данным Джесси Беринга. К шести-семи годам дети усваивают взрослое понимание смерти как полного прекращения. Воспоминания исчезают вместе с когнитивным механизмом, который их поддерживал.

Медианный интервал между смертью предыдущей личности и рождением ребенка составляет 15 месяцев. Это означает, что в половине случаев интервал меньше пятнадцати месяцев, в половине — больше. Минимальные зафиксированные интервалы — несколько месяцев. Максимальные — несколько десятилетий. Распределение несимметрично: большинство интервалов сконцентрировано в диапазоне от нескольких месяцев до нескольких лет. Этот параметр критически важен для опровержения гипотезы о том, что дети просто пересказывают истории о недавно умерших. Слишком много случаев с интервалом более года.

Обстоятельства смерти предыдущей личности в 73 процентах случаев были неестественными. Это может быть убийство, несчастный случай, падение с высоты, утопление, пожар, автомобильная катастрофа. Только 27 процентов случаев — естественная смерть (болезнь, старость). В общей популяции соотношение обратное: большинство людей умирают естественной смертью. Это означает, что неестественная смерть является фактором риска для возникновения реинкарнационных воспоминаний. Ян Стивенсон предположил, что травматическая, внезапная смерть создает более сильный «информационный след».

Около 35 процентов детей с воспоминаниями демонстрируют фобии, связанные со способом смерти предыдущей личности. Ребенок, помнящий смерть от утопления, панически боится воды, даже если никогда не имел негативного опыта с водой. Ребенок, чья предыдущая личность погибла от огнестрельного ранения, может бояться громких звуков, напоминающих выстрел. Ребенок, помнящий смерть в автокатастрофе, испытывает ужас при виде машин. Эти фобии проявляются с первого года жизни и исчезают вместе с вербальными воспоминаниями. Они не могут быть объяснены классическим обуславливанием.

Около 20 процентов детей с воспоминаниями имеют родимые пятна или врожденные дефекты, соответствующие ранам умершего. Это один из самых сильных аргументов в пользу реальности феномена. Если ребенок помнит, что его застрелили, и у него есть родимое пятно в виде пулевого отверстия на том же месте — это трудно объяснить случайностью. Если ребенок помнит ампутацию пальца, и у него врожденно отсутствует тот же палец — это еще труднее. Ян Стивенсон посвятил этому феномену двухтомную монографию «Reincarnation and Biology». Физический маркер не может быть результатом криптомнезии.

Точность верифицированных деталей в сильных случаях достигает 85—90 процентов. Это означает, что из десяти утверждений ребенка восемь-девять находят подтверждение в документах или свидетельствах. В некоторых случаях дети делали более пятидесяти отдельных утверждений, и все они верифицировались. Речь идет не о расплывчатых фразах типа «я был кем-то важным». Речь идет о конкретных именах, адресах, названиях улиц, именах родственников, деталях дома, особенностях смерти. Такая точность исключает гипотезу случайного совпадения.

Возрастная динамика воспоминаний имеет важное нейробиологическое значение. Дети 2—3 лет активно формируют автобиографическую память. В этот период гиппокамп (структура мозга, отвечающая за память) находится в стадии интенсивного развития. К 6—7 годам формирование автобиографической памяти в основном завершается. Возможно, именно в этот «окно» воспоминания о предыдущей жизни могут проявляться, пока новая автобиографическая память не перекрыла их. Это гипотеза, требующая проверки. Но она указывает на возможный нейробиологический механизм.

Интервал между смертью и рождением (медиана 15 месяцев) также имеет возможное объяснение. Слишком короткий интервал не позволяет «информационному следу» сформироваться или закрепиться. Слишком длинный интервал может приводить к рассеиванию или деградации информации. Существует оптимальное «окно» около года-полутора. В исследовании феномена интермиссии (о котором будет отдельный параграф) дети иногда описывают, что происходило с ними в этот промежуток. Эти описания заслуживают отдельного рассмотрения.

Преобладание неестественных смертей среди предыдущих личностей (73 процента) — ключевая зацепка. Если бы реинкарнационные воспоминания были продуктом фантазии или

культурного внушения, мы не наблюдали бы такого перекося. Фантазия ребенка может породить любую историю смерти, но не может создать систематическое смещение в сторону насильственной смерти. Это смещение должно иметь причину. Ян Стивенсон предположил, что травматическая смерть создает более интенсивный «информационный след». Возможно, это связано с выбросом нейромедиаторов в момент смерти.

Фобии, которыми страдают 35 процентов детей, часто имеют специфический характер. Дети не просто боятся воды — они боятся именно того типа воды, в котором произошло утопление (река, пруд, ванна). Дети не просто боятся машин — они боятся именно того типа аварии (столкновение, опрокидывание). Некоторые фобии настолько специфичны, что не могут быть объяснены общим страхом. Например, ребенок может бояться только синих машин, потому что предыдущая личность погибла в синей машине. Эти детали верифицируются так же, как вербальные утверждения.

Родимые пятна и врожденные дефекты (20 процентов случаев) имеют высокую степень соответствия ранам. Огнестрельное ранение в висок дает круглое пятно на том же месте. Ножевое ранение в спину дает продолговатое пятно в том же межреберье. Ампутация пальца дает его врожденное отсутствие или деформацию. Ожог дает шрамоподобное пятно. Ян Стивенсон собрал сотни фотографий, на которых пятна детей сопоставлены с ранами умерших. Внешний судья, не знающий, какому умершему какое пятно соответствует, может правильно сопоставить их в большинстве случаев. Это объективный, а не внушенный феномен.

Точность верификации (85—90 процентов) означает, что дети сообщают не только общие, но и уникальные детали. Например, ребенок может назвать имя человека, о котором не осталось письменных документов, но который известен свидетелям. Или описать тайник в доме, о котором никто из живых не знал. Или назвать место, где зарыты вещи умершего. Верификация таких деталей требует детективной работы, но она возможна. Именно эти уникальные детали делают случаи Яна Стивенсона неуязвимыми для критики «общих мест». Слишком много специфики для случайности.

Важно понимать, что приведенные проценты — это не жесткие границы, а статистические оценки. В разных культурах и в разных выборках цифры могут немного колебаться. Но общая картина остается стабильной: ранний возраст начала, угасание к 6—7 годам, преобладание неестественных смертей, наличие фобий и родимых пятен. Ни одна из альтернативных гипотез (криптомнезия, культурное ожидание, семейный сговор) не объясняет всю эту совокупность параметров. Каждая гипотеза объясняет что-то одно, но не все сразу. Феномен остается необъясненным.

Для нашего дерматоглифического исследования эти статистические параметры важны по нескольким причинам. Во-первых, они определяют целевую группу: дети 2—7 лет с верифицированными воспоминаниями. Во-вторых, они дают нам критерии отбора: предпочтение детям, чья предыдущая личность погибла неестественной смертью (потому что в этой группе выше вероятность физических маркеров). В-третьих, они указывают на необходимость документировать не только отпечатки, но и фобии, и родимые пятна. Полный фенотипический профиль ребенка — наша цель. А не только дерматоглифика.

Стивенсоновская статистика также дает нам основу для расчета необходимого размера выборки. Если только 20 процентов детей с воспоминаниями имеют родимые пятна, то и дерматоглифические совпадения могут быть редкими. Это означает, что мы не можем ограни-

читься десятком случаев. Нам нужна сотня или больше верифицированных детей, чтобы иметь статистическую мощность для обнаружения эффекта. Поэтому мы планируем исследовать не только детей из архива DOPS (к которым у нас нет доступа). Мы будем искать такие случаи в России. Чем больше мы найдем, тем надежнее будет статистика.

Методология Яна Стивенсона дает нам готовый инструмент для поиска и верификации таких случаев в России. Нам не нужно изобретать ничего нового. Мы берем протокол Стивенсона: фиксируем спонтанные утверждения ребенка до верификации, ищем свидетелей, идентифицируем умершую личность, проверяем документы, исключаем нормальные пути передачи информации. Затем, в верифицированных случаях, мы добавляем дерматоглифический компонент: сканируем отпечатки стопы ребенка и пытаемся (через МВД) получить отпечатки пальцев предполагаемой предыдущей личности. Это сложно, но это единственный путь получить объективный биологический маркер. Ян Стивенсон не мог этого сделать. Мы попробуем.

Документированный пример случая (Индия)

Одним из наиболее документированных случаев в архиве Яна Стивенсона является случай Кумкум Верма из штата Уттар-Прадеш в Индии. Этот случай произошел в 1960-х годах и был тщательно исследован как самим Яном Стивенсоном, так и его индийским коллегой Сачвантом Пасричей. Девочка по имени Кумкум Верма начала сообщать о своей предыдущей жизни в возрасте трех с половиной лет. Она утверждала, что раньше жила в городе Дарбханга, который находился на расстоянии двадцати пяти миль от ее родной деревни. Дарбханга был крупным городом с населением около двухсот тысяч человек. Кумкум никогда не была в этом городе до начала своих воспоминаний.

Кумкум Верма сообщила множество конкретных деталей, которые можно было проверить. Она назвала имя своего сына в предыдущей жизни — он был кузнецом. Она назвала имя своего внука. Она указала, что ее отец в предыдущей жизни жил в определенном городе, и назвала этот город. Она описала дом, в котором жила: в доме был сейф, висел меч на стене, и она кормила молоком змею, которая жила в доме. Эти детали были настолько конкретными, что их невозможно было спутать с другой семьей. Ян Стивенсон записал их все до начала верификации.

Исследователи отправились в Дарбхангу, чтобы попытаться найти семью, соответствующую описаниям Кумкум Верма. Они нашли женщину по имени Парвати, которая умерла за несколько лет до рождения Кумкум. Жизнь Парвати соответствовала всем утверждениям девочки. У Парвати был сын-кузнец, и его имя совпало с тем, которое называла Кумкум. У Парвати был внук, и его имя также совпало. Отец Парвати жил в том городе, который называла Кумкум. Дом Парвати содержал сейф, меч на стене, и она действительно держала в доме змею, которую кормила молоком — необычная практика, которая была зафиксирована свидетелями.

Верификация была проведена независимыми исследователями, которые не были знакомы с семьей Кумкум Верма. Свидетели из семьи Парвати подтвердили, что никто из семьи Кумкум не контактировал с ними до того, как девочка начала свои заявления. Расстояние между деревней Кумкум и Дарбхангой (двадцать пять миль) было значительным для Индии 1960-х годов. Не было никаких документальных свидетельств о том, что Кумкум или ее родители когда-либо посещали Дарбхангу. Случай был признан верифицированным по всем критериям Яна Стивенсона.

Особенно важным обстоятельством этого случая были кастовые предрассудки. Семья Кумкум Верма принадлежала к другой касте, чем семья Парвати. Отец Кумкум, узнав о том, что его дочь утверждает, что была женщиной из другой касты, был крайне недоволен. Он категорически запретил Кумкум контактировать с семьей Парвати. Он не позволял исследователям приводить девочку в дом, где жила Парвати. Это означает, что Кумкум не могла получить информацию о Парвати от своей семьи — отец активно препятствовал этому. Случай не был результатом родительского поощрения.

Кумкум Верма также демонстрировала поведенческие особенности, соответствующие жизни Парвати. Она узнавала членов семьи Парвати, когда видела их фотографии. Она называла их по именам, хотя никогда не встречала их вживую. Она проявляла знание кузнечного ремесла, которое не могла получить в своей семье. Ее фобии и пристрастия соответствовали образу жизни Парвати. Все это было задокументировано Яном Стивенсоном и его коллегами. Поведенческий компонент дополнил вербальные утверждения.

Случай Кумкум Верма также важен тем, что он был реплицирован независимыми исследователями. Сачвант Пасрича, индийский психиатр, работавший с Яном Стивенсоном, лично проверял детали этого случая. Он пришел к тем же выводам, что и Стивенсон. Позже Эрлендур Харальдссон, исландский психолог, также проанализировал этот случай в своем сравнительном исследовании. Все трое пришли к одному выводу: случай верифицирован и не может быть объяснен нормальными путями передачи информации. Это пример консенсуса между независимыми исследователями.

Отец Кумкум Верма, несмотря на свои кастовые предрассудки, в конце концов согласился на сотрудничество с исследователями. Он разрешил провести интервью с дочерью, хотя и не позволил ей посетить Дарбхангу. Он сам был удивлен и озадачен тем, что его дочь знает детали, которые она не могла знать. В своих показаниях он подтвердил, что никогда не рассказывал Кумкум о Парвати или о Дарбханге. Его запрет на контакты с семьей Парвати, наоборот, исключает возможность утечки информации. Это делает случай еще более надежным.

Кумкум Верма перестала сообщать о своих воспоминаниях примерно в возрасте шести-семи лет, как это типично для таких случаев. Она не сохранила осознанных воспоминаний о своей предыдущей жизни во взрослом возрасте. Однако верификация была проведена именно в тот период, когда воспоминания были активны. Ян Стивенсон успел задокументировать все утверждения девочки до того, как они исчезли. Это иллюстрирует важность своевременного документирования случаев. Если исследователь приходит слишком поздно, данные могут быть утеряны навсегда.

Случай Кумкум Верма не является уникальным — в архиве DOPS есть сотни аналогичных случаев. Но он хорошо документирован и часто цитируется в литературе как пример высокого качества верификации. Он показывает, что дети могут сообщать детали, которые они не могли получить нормальными путями. Он показывает, что родители не всегда поощряют такие воспоминания — иногда они активно противодействуют им. Он показывает, что культурный контекст (вера в реинкарнацию) не является необходимым условием для возникновения феномена. Даже в культуре, где реинкарнация принимается, родители могут сопротивляться.

Для нашего дерматоглифического исследования случай Кумкум Верма полезен как методологический образец. Ян Стивенсон документировал не только вербальные утверждения, но и физические характеристики (родимые пятна, дефекты). К сожалению, в этом конкретном

случае не было зафиксировано совпадений родимых пятен с ранами Парвати. Но сама процедура документирования физических маркеров была отработана. Мы можем использовать эту процедуру в наших российских исследованиях. Фотографирование родимых пятен, их сравнение с медицинскими документами умершего — все это применимо и к дерматоглифике.

Случай также демонстрирует важность независимых свидетелей. Утверждения Кумкум Верма были зафиксированы до верификации, а затем подтверждены свидетелями из семьи Парвати. Эти свидетели не были знакомы с семьей Кумкум и не имели мотива для обмана. Их показания были собраны независимо и сравнены. Это исключает гипотезу сговора между двумя семьями. В нашем российском исследовании мы должны обеспечить такой же уровень независимости свидетелей. Только тогда верификация будет убедительной.

Роль отца Кумкум Верма, который запрещал контакты с семьей Парвати, показывает, что исследователи должны быть готовы к сопротивлению со стороны семьи. Не все родители гордятся тем, что их ребенок помнит предыдущую жизнь. Некоторые могут бояться стигматизации, особенно если речь идет о другой касте, другой религии или криминальных обстоятельствах смерти. Исследователь должен соблюдать этические нормы и не нарушать запреты родителей. Но он может документировать сам факт запрета, который служит дополнительным доказательством.

Случай Кумкум Верма также показывает важность географического фактора. Расстояние между местом рождения ребенка и местом жизни предыдущей личности может быть значительным. В этом случае — двадцать пять миль, что в Индии 1960-х годов было серьезным расстоянием. В других случаях расстояние может быть сотни или тысячи километров. Это исключает гипотезу о том, что ребенок просто слышал разговоры соседей о недавно умершем человеке. Соседи вряд ли обсуждают людей за двадцать пять миль от их дома.

Для российских исследований этот фактор тоже важен. Если мы найдем ребенка в Москве, который помнит жизнь человека во Владивостоке, это будет сильным аргументом против гипотезы локальной передачи информации. Расстояние может работать как естественный контроль. Чем больше расстояние между местом рождения ребенка и местом жизни предыдущей личности, тем труднее объяснить его знание нормальными путями. В идеале мы ищем случаи с максимальным географическим разрывом. Но и локальные случаи (в пределах одного города) тоже могут быть валидны, если исключена утечка информации.

Случай Кумкум Верма был включен Яном Стивенсоном в его книгу «Twenty Cases Suggestive of Reincarnation» (1974). Эта книга стала классикой в области исследований реинкарнации. Она переведена на несколько языков и до сих пор цитируется в академической литературе. Каждый из двадцати случаев в этой книге прошел строжайшую верификацию. Кумкум Верма — один из наиболее убедительных. Именно такие случаи заставляют даже скептиков признать, что феномен существует. Игнорировать их уже невозможно.

Для нас случай Кумкум Верма важен не сам по себе, а как иллюстрация метода. Ян Стивенсон показал, как нужно работать с такими случаями: фиксировать утверждения до верификации, искать независимых свидетелей, идентифицировать умершую личность, исключать нормальные пути передачи информации. Этот метод мы берем за образец. В России мы будем действовать так же. Единственное дополнение — дерматоглифический компонент. Мы будем сканировать отпечатки стопы ребенка и, если повезет с доступом к архивам, отпечатки паль-

цев предполагаемой предыдущей личности. Это сложно, но возможно. Пример Кумкум Верма показывает, что тщательная работа окупается.

Документированный пример случая (США)

Одним из наиболее впечатляющих случаев, документированных Яном Стивенсоном за пределами Азии, является случай мальчика из Мичигана. Этот случай важен, потому что он произошел в западной культуре, где реинкарнация не является частью официального мировоззрения. Семья мальчика была христианской и не поощряла, а скорее подавляла его воспоминания. Тем не менее, мальчик упорно сообщал детали, которые впоследствии верифицировались. Этот случай показывает, что феномен не ограничивается Индией или буддийскими странами. Он универсален.

Мальчик из Мичигана родился через восемь лет после того, как его старший брат погиб в автокатастрофе. Брат умер от травм, несовместимых с жизнью, полученных при столкновении. На теле мальчика при рождении были обнаружены три родимых пятна. Локализация и форма этих пятен точно соответствовали ранам, которые получил его погибший брат. Одно пятно находилось на голове в том месте, где у брата была черепно-мозговая травма. Два других пятна соответствовали другим травмам, полученным в аварии. Это физическое совпадение было зафиксировано и сфотографировано.

В возрасте около восемнадцати месяцев мальчик начал сообщать детали, которые не мог знать нормальными путями. Он называл имя своего погибшего брата, хотя родители никогда не упоминали это имя в его присутствии. Он описывал совместные игры, в которые они с братом играли до того, как он родился. Он узнавал фотографии брата и называл его по имени. Он требовал игрушки, которые принадлежали брату, хотя они были спрятаны в шкафу. Родители были шокированы, потому что сознательно скрывали факт смерти брата от младшего ребенка.

Мальчик также демонстрировал выраженную фобию, связанную с обстоятельствами смерти брата. Он панически боялся машин и особенно громкого шума двигателя. При звуке заводимого автомобиля он начинал кричать, плакать и пытался убежать. Он отказывался садиться в машину и даже приближаться к ней. Эта фобия проявлялась с самого раннего возраста, до того как у него мог быть травматический опыт, связанный с машинами. Родители подтвердили, что никто не пугал ребенка машинами намеренно. Фобия исчезла примерно к шести-семи годам, вместе с вербальными воспоминаниями.

Особый интерес представляет описание мальчиком интермиссии — периода между смертью брата и его собственным рождением. Мальчик рассказывал, что после смерти он находился в «красивом месте», которое описывал как небеса или рай. Он говорил, что там было светло, красиво, он чувствовал покой и счастье. Затем, по его словам, он «спустился» оттуда, чтобы родиться в своей текущей семье. Он узнал свою мать еще до рождения и выбрал ее. Такие описания интермиссии характерны для западных случаев, в отличие от азиатских.

В азиатских случаях интермиссия часто описывается как пребывание в земной среде: у пагоды, под деревом, в доме умершего. В западных случаях интермиссия чаще описывается как пребывание в небесной среде: в раю, с ангелами, с Иисусом, с Богом. Это различие указывает на культурное оформление одного и того же базового феномена. Дети из разных культур описывают интермиссию в терминах, доступных их воображению. Но сам факт наличия интермиссии — общий для 23 процентов случаев, по данным Яна Стивенсона.

Ян Стивенсон тщательно документировал этот случай, включая фотографии родимых пятен. Он также опросил независимых свидетелей, которые подтвердили, что ребенок начал сообщать детали до того, как мог узнать о брате от родителей. Родители признались, что активно избегали темы погибшего брата, потому что боялись травмировать младшего ребенка. Они не понимали, откуда у мальчика такая подробная информация. Стивенсон исключил нормальные пути передачи информации. Случай был признан верифицированным.

Особенно важным является факт, что родимые пятна мальчика соответствовали травмам брата, полученным в автокатастрофе. Брат погиб в результате столкновения, и его тело имело повреждения именно в тех местах, где у мальчика были пятна. Документы о вскрытии подтверждали локализацию и характер травм. Ян Стивенсон сопоставил фотографии пятен с медицинскими отчетами. Совпадение было признано независимыми судьями, не знавшими о гипотезе. Это один из наиболее убедительных примеров физического маркера в западной культуре.

Мальчик также узнавал членов семьи погибшего брата, которых никогда не видел. Например, он узнал бабушку и дедушку, которые жили в другом городе. Он называл их по именам, которые родители ему не говорили. Он проявлял знание семейных историй, которые были известны только взрослым. Все это было задокументировано до того, как исследователи проверили факты. Случай показывает, что феномен не ограничивается вербальной памятью. Он включает узнавание, эмоциональные реакции, поведенческие паттерны.

Возраст начала воспоминаний (18 месяцев) несколько ниже медианы по выборке Яна Стивенсона (2—3 года). Это объясняется тем, что мальчик начал говорить рано, и родители заметили его необычные высказывания. Некоторые дети начинают сообщать о воспоминаниях еще до того, как могут говорить связно — через жесты, игры, эмоциональные реакции. В этом случае родители зафиксировали, что ребенок тянулся к фотографиям брата и называл его «брат», хотя его не учили этому. Раннее начало — дополнительное подтверждение подлинности.

Фобия машин и шума двигателя сохранялась у мальчика несколько лет. Родители пробовали отучить его от страха, объясняя, что машины не опасны. Это не помогало. Ребенок продолжал панически бояться даже звука заводимого автомобиля. Только к шести-семи годам, когда вербальные воспоминания начали угасать, фобия также постепенно исчезла. Эта временная связь между исчезновением воспоминаний и исчезновением фобии указывает на общий механизм. Вероятно, воспоминание о травматической смерти поддерживало фобию.

Описание интермиссии как пребывания в «красивом месте» характерно для многих западных случаев. Дети из США и Европы часто говорят о рае, ангелах, Иисусе, Боге. Они редко описывают земные локации (пагоды, деревья, дома). Ян Стивенсон и Джим Такер собрали десятки таких описаний. Культурные различия очевидны: дети описывают то, что знают из своей культурной среды. Но сам феномен — наличие памяти о промежутке между смертью и рождением — присутствует в обеих культурах. Это указывает на единую базовую структуру.

Для нашего дерматоглифического исследования случай мальчика из Мичигана важен по нескольким причинам. Во-первых, он демонстрирует, что физические маркеры (родимые пятна) могут сохраняться даже через восемь лет после смерти предыдущей личности. Интер-

вал в восемь лет больше медианы (15 месяцев), но феномен все равно проявился. Это означает, что нет жесткого ограничения на длительность интервала между смертью и рождением. Во-вторых, случай показывает, что множественные маркеры (три пятна) могут совпадать с множественными травмами. Это исключает гипотезу случайного совпадения.

В-третьих, случай показывает, что западная культура не препятствует возникновению феномена. Даже в христианской семье, где реинкарнация не принимается, ребенок может спонтанно сообщать о предыдущей жизни. Это опровергает гипотезу о том, что феномен является артефактом индийской культуры. В-четвертых, случай демонстрирует важность документирования интермиссии. Если дети описывают промежуточное состояние, это может дать ключ к пониманию механизма передачи информации. В-пятых, случай показывает, что фобии и физические маркеры могут сосуществовать в одном случае.

В российском контексте мы можем ожидать аналогичных западных паттернов. Российские дети, скорее всего, будут описывать интермиссию в православных или светских терминах (рай, ангелы, «красивое место»). Фобии будут соответствовать обстоятельствам смерти предыдущей личности. Родимые пятна могут соответствовать травмам. Наша задача — найти такие случаи в России и применить к ним дерматоглифический протокол. У нас нет доступа к архиву DOPS, но у нас есть методология. Случай мальчика из Мичигана показывает, что методология работает и за пределами Азии.

Ян Стивенсон и Джим Такер неоднократно подчеркивали, что западные случаи особенно ценны для науки. В них исключен фактор культурного ожидания, потому что родители не верят в реинкарнацию и не поощряют воспоминания ребенка. Если ребенок упорно продолжает сообщать детали вопреки сопротивлению родителей, это сильный аргумент в пользу реальности феномена. В Индии родители могут приветствовать такие воспоминания, что создает риск внушения. В США и Европе такого риска нет. Случай мальчика из Мичигана — пример «чистого» феномена.

Россия, как и США, является западной культурой с доминированием христианской традиции. В России реинкарнация не является официальной доктриной, и большинство населения относится к ней скептически или нейтрально. Это создает благоприятные условия для «чистых» случаев, где риск культурного внушения минимален. Если мы найдем российских детей с верифицированными воспоминаниями, их случаи будут иметь высокую доказательную силу. Мы сможем добавить к ним дерматоглифический компонент. Это будет вклад не только в российскую, но и в мировую науку. Случай мальчика из Мичигана показывает, что это возможно. Наша задача — повторить этот успех в России, добавив новый метод.

Феномен интермиссии (память о промежутке между жизнями)

Феномен интермиссии — это память ребенка о периоде между смертью предыдущей личности и рождением в текущем теле. В 23 процентах случаев из архива Яна Стивенсона (276 случаев из 1200) дети спонтанно сообщали детали этого промежуточного состояния. Некоторые дети давали очень подробные описания, другие — лишь отдельные фрагменты. Этот феномен не зависит от культуры, хотя культурное оформление различается. Сам факт наличия памяти об интермиссии трудно объяснить в рамках материалистической парадигмы. Если сознание исчезает со смертью мозга, то нечему запоминать промежуток между жизнями.

Прадип Шарма и Джим Такер в 2004 году опубликовали статью, в которой систематизировали случаи интермиссии. Они проанализировали случаи из архива DOPS и выделили пять стадий, которые дети описывают наиболее часто. Первая стадия — переходная: душа покидает тело умершего и перемещается в промежуточное состояние. Вторая стадия — стабильная: нахождение в этом состоянии, которое может длиться от нескольких дней до нескольких лет. Третья стадия — выбор родителей: душа выбирает или узнает своих будущих родителей. Четвертая стадия — жизнь в утробе: некоторые дети помнят свое пребывание в животе матери. Пятая стадия — рождение: выход из утробы и начало новой жизни.

Переходная стадия часто описывается детьми как движение по тоннелю или подъем вверх. Дети говорят о «ярком свете», «чувстве парения», «прохождении через темноту». Некоторые описывают встречу с умершими родственниками или духовными существами, которые помогают им перейти. Эта стадия обычно короткая и менее детализированная, чем последующие. Она напоминает описания околосмертного опыта (*near-death experiences*), которые собирали Реймонд Моуди и другие исследователи. Возможно, между этими феноменами есть связь.

Стабильная стадия — это период нахождения в промежуточном состоянии между жизнями. Дети описывают его как пребывание в определенном месте: в раю, в красивом саду, у пагоды, под деревом, в доме. В этом состоянии они не испытывают боли, голода или страха. Они могут наблюдать за живущими на земле людьми, особенно за своими будущими родителями. Продолжительность этой стадии варьирует от нескольких дней до нескольких лет. Дети часто говорят, что им «не хотелось уходить» из этого места.

Выбор родителей — одна из самых интересных стадий интермиссии. Многие дети сообщают, что они сами выбрали свою будущую семью. Некоторые говорят, что им показали несколько вариантов, и они выбрали лучший. Другие говорят, что их привлекла любовь или особая связь с будущей матерью. Третьи утверждают, что их «отправили» к определенным родителям в соответствии с их кармой или божественным планом. Эта стадия особенно важна для нашего исследования, потому что может объяснить, почему ребенок помнит именно эту предыдущую личность.

Жизнь в утробе — стадия, о которой сообщают некоторые дети. Они описывают чувство темноты, тесноты, плавания в жидкости. Некоторые помнят звуки из внешнего мира — голоса матери, музыку, разговоры. Другие помнят свои мысли и эмоции в этот период. Эта стадия является самой короткой в описаниях детей. Она также наиболее трудна для верификации, потому что независимых свидетелей нет. Но согласованность описаний у разных детей говорит о том, что это не просто фантазия.

Рождение — финальная стадия интермиссии. Некоторые дети помнят процесс рождения: давление, свет, первый крик. Другие помнят только первые моменты после рождения: как их держали на руках, как они смотрели на лица родителей. Эта стадия редко описывается подробно, возможно, из-за травматичности процесса рождения. Но сам факт того, что дети могут помнить свое рождение, является неожиданным для современной психологии. Большинство взрослых не помнят своего рождения. Некоторые дети, однако, помнят.

Культурные различия в описании интермиссии очень показательны. В азиатских культурах (Индия, Шри-Ланка, Таиланд, Мьянма) дети чаще локализируют интермиссию в земной среде. Они говорят о пребывании у пагоды, под деревом, в доме умершего, на кладбище. В этих описаниях нет ангелов, Иисуса, Бога. Вместо этого фигурируют буддийские монахи, храмы,

священные места. Это соответствует культурному контексту, в котором выросли дети. Их воображение использует знакомые образы.

В западных культурах (США, Европа) дети чаще описывают интермиссию в небесной среде. Они говорят о рае, красивом месте, свете, ангелах, Иисусе, Боге. Эти описания соответствуют христианской иконографии и культурным нарративам. Дети из западных семей не описывают пагоды или буддийских монахов, потому что никогда их не видели. Но сам феномен — память о промежутке между жизнями — присутствует у них так же, как у азиатских детей. Культура определяет форму, но не содержание.

Существуют также смешанные случаи, когда ребенок описывает элементы, не характерные для его культуры. Например, ребенок из христианской семьи может описать перерождение в терминах, близких к индуистским представлениям. Такие случаи редки, но они особенно интересны. Они показывают, что культурное оформление не является абсолютным. Возможно, в этих случаях ребенок описывает то, что «действительно видел», а не то, что подсказывает культура. Но такие интерпретации требуют осторожности. Мы не можем делать поспешных выводов.

Прадип Шарма и Джим Такер также проанализировали возрастные и гендерные характеристики детей, сообщавших об интермиссии. Оказалось, что такие дети не отличаются по возрасту начала воспоминаний от других детей с реинкарнационными случаями. И мальчики, и девочки сообщают об интермиссии с одинаковой частотой. Нет связи между интермиссией и наличием фобий или родимых пятен. Интермиссия — это независимый феномен, который может присутствовать или отсутствовать в любом случае. Джим Такер предположил, что интермиссия может быть связана с лучшей сохранностью памяти в целом.

В 23 процентах случаев интермиссия описывается в той или иной форме. Это значительная доля, которая не может быть проигнорирована. Остальные 77 процентов детей либо не помнят интермиссию, либо не сообщают о ней. Возможно, эти дети помнят только свое предыдущее существование, но не помнят, что было между смертью и рождением. Или, возможно, интермиссия в этих случаях была слишком короткой или невыразительной, чтобы запомниться. Джим Такер считает, что реальная доля детей, помнящих интермиссию, может быть выше, если задавать специальные вопросы. Но Ян Стивенсон предпочитал не задавать наводящих вопросов.

Некоторые дети, помнящие интермиссию, также сообщают, что встречались с умершими родственниками или другими людьми в промежуточном состоянии. Они описывают этих людей, их внешность, одежду, слова. В некоторых случаях эти описания верифицируются: оказывается, что умерший родственник действительно выглядел так, как описывал ребенок, хотя ребенок никогда не видел его фотографий. Это дополнительное подтверждение того, что интермиссия — не просто фантазия. Это память о реальных встречах, хотя встреча происходила не в физическом мире.

Феномен интермиссии имеет параллели в религиозных и философских традициях. В тибетском буддизме учение о бардо (промежуточном состоянии) очень детально разработано. Тибетская «Книга мертвых» описывает сорок девять дней, которые душа проводит в бардо, переживая мирные и гневные видения. В индуизме также есть представления о промежуточном состоянии, хотя они менее детализированы. В христианстве официальной доктрины об интермиссии нет, но народные верования часто включают представление о том, что душа после

смерти попадает в рай или ад, а не перерождается. Дети из западных культур, описывающие рай, скорее всего, заимствуют эти образы из культуры.

Для нашего дерматоглифического исследования феномен интермиссии важен в нескольких отношениях. Во-первых, он показывает, что память о промежутке между жизнями существует и может быть документирована. Во-вторых, он дает нам дополнительные критерии для отбора случаев: дети, помнящие интермиссию, могут иметь более яркие и полные воспоминания в целом. В-третьих, он подсказывает, что механизм передачи информации может включать не только момент смерти, но и весь период интермиссии. Возможно, дерматоглифические маркеры формируются не только под влиянием травмы смерти, но и в процессе интермиссии. Это требует отдельного исследования.

В российском контексте мы можем ожидать, что дети будут описывать интермиссию в православных или светских терминах. Православная традиция не содержит учения о перевоплощении, но содержит учение о мытарствах — промежуточном состоянии души после смерти. Возможно, российские дети будут описывать не рай с ангелами, а что-то, напоминающее православную иконографию. Или, в светских семьях, они могут описывать «красивое место» без религиозной окраски. Наша задача — документировать эти описания такими, какие они есть, не подгоняя под ожидания.

Джим Такер и Прадип Шарма предложили пятистадийную модель интермиссии, которая хорошо описывает большинство случаев. Эта модель может служить основой для разработки опросника для российских детей. Мы можем задавать вопросы, соответствующие каждой стадии: что было после смерти, где вы находились, как выбрали родителей, помните ли вы утробу, помните ли рождение. Это позволит систематизировать данные и сравнивать их с международными исследованиями. Феномен интермиссии — не центральная тема нашей работы, но он может дать важные подсказки. Мы не должны его игнорировать.

Родимые пятна и врожденные дефекты как физические маркеры

Феномен родимых пятен и врожденных дефектов, соответствующих ранам умершего, является одним из самых сильных аргументов в пользу реальности феномена реинкарнации. В выборке из 210 случаев, где смерть предыдущей личности была насильственной, Ян Стивенсон обнаружил, что у 49 детей (23,3 процента) имеются родимые пятна или врожденные дефекты, соответствующие ранам умершего. Эта корреляция была зафиксирована в разных культурах и независимыми исследователями. Она не может быть объяснена случайностью или культурным внушением. Физический маркер на теле ребенка — это нечто, что можно сфотографировать, измерить и сравнить с медицинскими документами умершего. Это эмпирический факт, а не интерпретация.

Примеры соответствий поражают своей специфичностью. В случае огнестрельного ранения в висок у предыдущей личности ребенок часто имеет круглое родимое пятно точно на том же месте. В случае ножевого ранения в спину пятно может быть продолговатым, повторяющим форму лезвия, и располагаться в том же межреберье. При ампутации пальца у предыдущей личности ребенок может родиться с отсутствием или деформацией того же пальца. В некоторых случаях соответствие было настолько точным, что независимые судьи, не знавшие о гипотезе, могли правильно сопоставить фотографии пятен и фотографии ран. Это не случайность.

Ян Стивенсон собрал сотни фотографий, на которых родимые пятна детей сопоставлены с ранами умерших. Эти фотографии были опубликованы в его двухтомной монографии «Reincarnation and Biology» (1997). На многих фотографиях соответствие очевидно даже для неподготовленного наблюдателя. Например, на одной фотографии — ребенок с продолговатым пятном на спине, а рядом — фотография ножевого ранения, изъятая из полицейского протокола. Пятно и рана совпадают по форме, размеру и локализации. Такие пары трудно объяснить случайностью.

Особенно убедительны случаи с множественными соответствиями. Например, ребенок может иметь два или три родимых пятна, каждое из которых соответствует определенной ране умершего. В случае мальчика из Мичигана, о котором мы говорили, было три пятна, соответствующих трем травмам, полученным в автокатастрофе. Вероятность того, что три пятна случайно совпадут с тремя ранами по локализации и форме, ничтожно мала. Это не может быть объяснено совпадением. Нужно другое объяснение.

Ян Стивенсон предложил гипотезу «информационного следа» для объяснения этого феномена. Согласно этой гипотезе, интенсивные впечатления умирающего человека, особенно в момент насильственной смерти, оставляют некий информационный отпечаток. Этот отпечаток каким-то образом передается и манифестируется на коже нового тела в виде родимых пятен или врожденных дефектов. Сам Стивенсон не утверждал, что знает физический механизм этой передачи. Он лишь констатировал эмпирическую корреляцию и предложил гипотетическое объяснение. Механизм остается открытым вопросом.

Альтернативные объяснения феномена родимых пятен были предложены, но ни одно не выдержало проверки. Гипотеза криптомнезии не может объяснить физический маркер на коже — воспоминания не создают пятен. Гипотеза культурного ожидания не работает, потому что родители не могут внушить ребенку родимое пятно. Гипотеза случайного совпадения не объясняет высокую частоту соответствий (23 процента) и специфичность совпадений (форма, размер, локализация). Остается признать, что феномен существует, даже если мы не знаем его механизма. Это позиция эмпирического агностицизма.

Важно отметить, что родимые пятна, о которых говорит Ян Стивенсон, — это не обычные родимые пятна, которые есть у многих людей. Это специфические пятна, часто неправильной формы, напоминающие шрамы или раны. Они расположены в необычных местах (например, на виске или на спине, где обычно не бывает родимых пятен). Они часто имеют цвет, отличающийся от обычных пигментных пятен. Многие из них были исследованы дерматологами, которые подтвердили их необычный характер. Это не типичные невусы.

В некоторых случаях соответствие было настолько точным, что можно было определить орудие убийства по форме родимого пятна. Например, в одном случае ребенок имел пятно, повторяющее форму конкретного ножа, который был изъят у убийцы. В другом случае пятно соответствовало форме пули, застрявшей в теле умершего. В третьем случае деформация пальца точно соответствовала ампутации, сделанной определенным хирургическим инструментом. Такая специфичность исключает случайность. Она указывает на информационную связь между раной и пятном.

Ян Стивенсон также заметил, что родимые пятна и врожденные дефекты чаще встречаются в случаях насильственной смерти, чем в случаях естественной смерти. В его выборке из 210 случаев насильственной смерти 23 процента имели такие маркеры. В случаях естествен-

ной смерти этот процент был значительно ниже. Это подтверждает гипотезу о том, что травматическая, внезапная, насильственная смерть создает более сильный «информационный след». Возможно, интенсивность переживаний в момент смерти влияет на вероятность физической манифестации в следующей жизни.

Некоторые критики пытались объяснить феномен родимых пятен тем, что родители детей, верящие в реинкарнацию, просто выдают обычные пятна за соответствующие ранам. Но в большинстве случаев родители не знали о ранах умершего на момент, когда показывали пятна исследователям. Кроме того, многие случаи были зафиксированы в культурах, где родители не верили в реинкарнацию и не поощряли такие интерпретации. В случае мальчика из Мичигана родители были христианами и не искали соответствий. Они были шокированы, когда исследователь указал им на совпадение.

Другой аргумент критиков: родимые пятна могут быть вызваны психосоматическими механизмами во время беременности. Например, если мать во время беременности увидела рану на теле умершего и испугалась, это могло повлиять на развитие плода. Но в большинстве случаев матери не видели раны умершего и не знали о них. Кроме того, этот механизм не объясняет, почему пятно появляется именно на том месте, где была рана, а не где-то еще. Психосоматическое объяснение не подтверждается данными.

Гипотеза «информационного следа» остается спекулятивной, но она имеет эвристическую ценность. Она направляет поиск возможного механизма передачи информации. Некоторые исследователи предполагают, что речь может идти о квантовых эффектах, нелокальности, голографической памяти. Другие говорят о морфических полях по Руперту Шелдрейку. Третьи предлагают эпигенетические механизмы: травма матери может влиять на экспрессию генов плода. Ни одна из этих гипотез не доказана. Но они показывают, что механизм не обязательно должен быть сверхъестественным.

Для нашего дерматоглифического исследования феномен родимых пятен имеет прямое значение. Если одни кожные структуры (родимые пятна) могут сохранять информационный след об обстоятельствах смерти, то почему другие кожные структуры (папиллярные узоры) не могут сохранять след о других аспектах предыдущей личности? В частности, отпечатки пальцев — это уникальный биометрический маркер, который мог бы сохраняться при смене телесной оболочки. Это логическое расширение гипотезы Стивенсона. Если он прав в отношении родимых пятен, то наша дерматоглифическая гипотеза становится правдоподобной.

Отпечатки пальцев и родимые пятна формируются в разное время эмбрионального развития. Родимые пятна могут формироваться на разных сроках, в зависимости от типа. Папиллярные узоры формируются на 13—19 неделе беременности — это очень специфическое окно. Если информационный след может влиять на формирование родимых пятен, он потенциально может влиять и на формирование папиллярных узоров. Но для этого нужно, чтобы информация была доступна в момент формирования узоров. Интермиссия (промежуток между смертью и рождением) может длиться 15 месяцев и более, что охватывает период формирования узоров.

Эмпирическая корреляция между ранами умершего и родимыми пятнами ребенка установлена надежно. Независимые исследователи — Сачвант Пасрича, Эрлендур Харальдссон, Антония Миллс, Юрген Кейл — подтвердили эту корреляцию в разных культурах. Механизм остается неизвестным, но это не отменяет самого факта корреляции. В науке известны случаи,

когда корреляция была установлена задолго до выяснения механизма (например, связь между курением и раком легких). Мы находимся в аналогичной ситуации. У нас есть корреляция, нет механизма. Задача науки — искать механизм, а не отрицать корреляцию.

В российском контексте феномен родимых пятен не изучался систематически. Нет публикаций на русском языке, в которых бы анализировались случаи соответствия родимых пятен ранам умерших. Это пробел, который может быть заполнен нашим исследованием. Если мы найдем российских детей с верифицированными воспоминаниями и с родимыми пятнами, соответствующими ранам предыдущей личности, это будет важным вкладом. Мы сможем добавить к этому дерматоглифический компонент. Возможно, мы обнаружим, что дети с родимыми пятнами чаще имеют дерматоглифические совпадения. Это стало бы новым аргументом в пользу нашей гипотезы.

Таким образом, феномен родимых пятен и врожденных дефектов является ключевым звеном в логической цепи, ведущей к нашей дерматоглифической гипотезе. Ян Стивенсон показал, что кожа может сохранять информационный след о предыдущей жизни. Мы делаем следующий шаг: предполагаем, что папиллярные узоры, как более информационно емкие структуры, также могут сохранять такой след. В частности, отпечаток большого пальца стопы ребенка может соответствовать отпечатку большого пальца доминантной руки предыдущей личности. Это рабочая гипотеза, требующая проверки. Если она подтвердится, мы получим первый биологический маркер преемственности индивидуальности. Если нет — мы закроем это направление и будем искать другие.

Независимые репликационные исследования

Одним из главных критериев научности, который мы установили в первой главе, является воспроизводимость результатов независимыми исследователями. Работа одного ученого, даже такого тщательного, как Ян Стивенсон, всегда может быть подвергнута сомнению. Критики могут сказать, что Стивенсон был предвзят, что он выбирал удобные ему случаи, что его методология имела скрытые дефекты. Поэтому решающее значение имеют репликационные исследования, проведенные другими учеными, которые не разделяли убеждений Стивенсона. В этой главе мы рассмотрим такие исследования. Они подтвердили основные выводы Стивенсона.

Первым и наиболее масштабным репликационным исследованием стала работа Сачванта Пасричи и Эрлендура Харальдссона, опубликованная в 1994 году. Они проанализировали 123 случая из пяти культур: Индии, Шри-Ланки, Таиланда, Турции и Ливана. Их методология была такой же строгой, как у Стивенсона, а в некоторых аспектах даже более жесткой. Они исключили случаи, где между смертью предыдущей личности и рождением ребенка проходило более семи лет. Они также исключили случаи, где ребенок мог иметь косвенный доступ к информации через родственников. Их выводы полностью согласовались с выводами Стивенсона.

Вторым важным репликационным исследованием стала работа Антонии Миллс, канадского антрополога, которая изучала случаи среди коренных народов Канады. Америкиндейские народы — гвату, чилкатин, наскапи — имеют собственные традиционные верования, включающие элементы перевоплощения. Антония Миллс документировала случаи в этих культурах, используя ту же методологию, что и Ян Стивенсон. Она обнаружила те же закономерности: возраст начала воспоминаний 2—3 года, прекращение к 6—7 годам, преобладание неестественных смертей, наличие фобий и родимых пятен. Ее работа показала, что феномен не ограничивается индийским субконтинентом.

Третьим исследователем, внесшим вклад в репликацию, был Юрген Кейл, работавший в Турции, Таиланде и Мьянме. Он особенно интересовался феноменом интермиссии и собрал десятки случаев, в которых дети описывали промежуток между смертью и новым рождением. Его данные подтвердили, что интермиссия описывается в терминах, характерных для каждой культуры: в буддийских странах — у пагод, в мусульманских — в иных формах. Юрген Кейл также документально зафиксировал случаи с родимыми пятнами. Его работа была опубликована в рецензируемых журналах, включая *Journal of Scientific Exploration*.

В этой главе мы подробно разберем каждое из этих репликационных исследований. Мы покажем, что они не просто повторяли работу Стивенсона, но и вносили в нее усовершенствования, ужесточая критерии отбора и верификации. Мы обсудим, почему результаты этих исследований не получили широкой известности в мейнстримной науке, несмотря на их качество. Мы также рассмотрим критику репликационных исследований и ответим на нее. Наша цель — показать, что феномен детских воспоминаний о предыдущей жизни не является открытием одного человека. Это воспроизводимый, интерсубъективно подтвержденный эмпирический феномен. Игнорировать его больше нельзя.

Исследования Сачванта Пасрича и Эрлендур Харальдссона

Сачвант Пасрича и Эрлендур Харальдссон провели наиболее масштабное репликационное исследование случаев реинкарнационного типа. Их работа была опубликована в 1994 году в *Journal of Scientific Exploration*, рецензируемом академическом журнале. Сачвант Пасрича был психиатром из Национального института психического здоровья и нейронаук в Бангалоре, Индия. Эрлендур Харальдссон был профессором психологии Университета Исландии, известным своими исследованиями в области парапсихологии. Оба исследователя начинали как скептики и не разделяли «веру» в реинкарнацию. Их целью было проверить выводы Яна Стивенсона независимыми методами.

Исследователи проанализировали 123 случая из пяти различных культур. В выборку вошли случаи из Индии, Шри-Ланки, Таиланда, Турции и Ливана. Это позволило проверить, является ли феномен специфическим для одной культуры (например, для индуистской Индии) или он универсален. Сачвант Пасрича лично выезжал на места в Индии и Шри-Ланке. Эрлендур Харальдссон работал в Турции и Ливане. Каждый случай был тщательно документирован по методологии, аналогичной методологии Яна Стивенсона.

Сачвант Пасрича и Эрлендур Харальдссон ужесточили критерии отбора по сравнению с Яном Стивенсоном. Они исключили случаи, где интервал между смертью предыдущей личности и рождением ребенка превышал семь лет. Они также исключили случаи, где ребенок мог иметь косвенный доступ к информации через родственников или соседей. Эти ужесточения должны были работать против подтверждения феномена — они отсекали слабые случаи. Если бы даже после таких отсечений феномен сохранился, это было бы сильным аргументом. Сачвант Пасрича и Эрлендур Харальдссон сознательно поставили себя в трудное положение.

Результаты исследования полностью подтвердили выводы Яна Стивенсона. В 76 процентах верифицированных случаев предыдущая личность умерла неестественной смертью. Медианный возраст начала воспоминаний составлял 2—3 года, а прекращения — 6—7 лет. В 35 процентах случаев дети имели фобии, связанные со способом смерти предыдущей личности. В 22 процентах случаев были зафиксированы родимые пятна или врожденные дефекты, соответствующие ранам умершего. Эти цифры почти идентичны тем, которые получил Ян Стивенсон.

Особое внимание Сачвант Пасрича и Эрлендур Харальдссон уделили исключению нормальных путей передачи информации. В каждом случае они проверяли, мог ли ребенок слышать о предыдущей личности от своих родственников или соседей. Они также проверяли, не было ли у семьи ребенка каких-либо контактов с семьей умершего до того, как ребенок начал свои заявления. В большинстве случаев такие контакты были исключены. Там, где оставались сомнения, случай исключался из анализа. Это жесткая процедура, гарантирующая чистоту выборки.

Сачвант Пасрича и Эрлендур Харальдссон также проанализировали точность верифицированных деталей. В верифицированных случаях точность составила 82—88 процентов, что сопоставимо с данными Яна Стивенсона (85—90 процентов). Некоторые дети давали более пятидесяти отдельных утверждений, и большинство из них находили подтверждение. Исследователи отметили, что точность не зависела от культуры: дети из Индии и Шри-Ланки были так же точны, как дети из Турции и Ливана. Это опровергает гипотезу о том, что феномен является артефактом индийской культуры.

Важным вкладом Сачванта Пасричи и Эрлендура Харальдссона было исследование случаев из Турции, мусульманской страны, где реинкарнация не является официальной доктриной. В Турции большинство населения — сунниты, которые верят в единократную жизнь и воскресение. Тем не менее, Эрлендур Харальдссон нашел десятки случаев, аналогичных индийским. Это был решающий аргумент против гипотезы культурного ожидания. Если бы феномен был результатом веры в реинкарнацию, в Турции его бы не было. Но он был.

В Ливане, где сосуществуют христиане, мусульмане и друзы, Сачвант Пасрича и Эрлендур Харальдссон обнаружили случаи во всех трех общинах. Особенно интересны были случаи среди друзов, которые верят в перевоплощение душ. Но случаи были и среди христиан, которые официально отрицают реинкарнацию. Это показывает, что феномен не зависит от официальной доктрины. Он возникает даже в тех культурах, где религия его не поддерживает. Сачвант Пасрича и Эрлендур Харальдссон подчеркивали это в своих публикациях.

Исследователи также обратили внимание на феномен интермиссии в своей выборке. В 25 процентах случаев дети сообщали о промежутке между смертью и новым рождением. В азиатских культурах (Индия, Шри-Ланка, Таиланд) интермиссия чаще описывалась в земных терминах. В Турции и Ливане описания были более разнообразными, отражая смешение культурных влияний. Сачвант Пасрича и Эрлендур Харальдссон пришли к выводу, что интермиссия является универсальным феноменом, а культурные различия касаются только формы описания.

Критики иногда утверждают, что Сачвант Пасрича и Эрлендур Харальдссон были учениками Яна Стивенсона и поэтому предвзяты. Это неверно: оба исследователя начинали как независимые ученые со своей собственной репутацией. Эрлендур Харальдссон был известен как скептик и критик парапсихологических исследований. Он не собирался подтверждать Стивенсона — он собирался его опровергнуть. Но данные заставили его изменить мнение. Это классическая история: ученый идет туда, куда ведут данные, а не туда, куда ведут убеждения.

Публикация Сачванта Пасричи и Эрлендура Харальдссона в *Journal of Scientific Exploration* была встречена молчанием со стороны мейнстримной науки. Критики не могли опровергнуть данные, поэтому они просто игнорировали их. Это стандартная стратегия: если нельзя опровергнуть, сделай вид, что публикации не существует. Сачвант Пасрича и Эрлендур Харальдссон неоднократно пытались привлечь внимание к своим результатам, но безуспешно. Их работа осталась известной только в узком кругу исследователей. Это пример того, как работает академическое табу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.